

РУСЛАН МЕЛЬНИКОВ

КУПЕЦ

Руслан Викторович Мельников

Купец

Серия «Terra Mutantica», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3748295
АСТ, Астрель;
ISBN 978-5-271-38132-4

Аннотация

Вся Европейская часть России, столетия назад подвергшаяся мощному ракетному удару, теперь представляет собой огромный неконтролируемый Котел, в котором бурлит дикая и неведомая жизнь. Города лежат в руинах, повсюду разрослась опасная фауна, расплодилось жуткое зверье, рыскают банды и кланы дикарей-мутантов.

Молодому купцу Сибирской торговой гильдии Виктору Тесову по прозвищу Золотой не привыкать к далеким походам и рискованным авантюрам. Но, отправляясь в очередную экспедицию, он и представить себе не мог, во что она выльется...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	22
Глава 1	22
Глава 2	32
Глава 3	44
Глава 4	58
Глава 5	72
Глава 6	83
Глава 7	99
Глава 8	115
Глава 9	126
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Руслан Мельников

Купец

Пролог

В кабаке, расположенном посреди наемнических кварталов, было как всегда. То есть шумно, грязно, дымно, пьяно. Но пьяно в меру. И, несмотря на обилие оружия – вполне безопасно.

Патрули княжеских дружинников следили за кварталами наемников с особым тщанием, так что здесь, как и во всем Сибирске-на-Оби, царил порядок. За пьяный дебош, драку и тем более убийство, совершенное в стольном граде Великого княжества Сибирского, запросто можно было лишиться головы, вылететь за городские стены или отправиться в вечную ссылку на прикотловые заставы. Наемники об этом знали. Буйных и дураков среди них не было.

Молодой купец сибирской Купеческой гильдии Виктор Тесов по прозвищу Золотой вошел в забитый вооруженными людьми кабак, даже не прикоснувшись к торчащему из-за пояса пистолю-самопалу и не дотронувшись до рукояти палаша. Здесь ни к чему всякий раз хвататься за оружие. Здесь спокойно. Здесь – Сибирск.

Виктор огляделся.

Знакомая картина. Просторный зал. Присыпанный опилками пол. Маленькие, но частые окошки. Кондовые деревянные столы и тяжелые скамьи – вперемешку с легкой, поцарапанной и потрескавшейся пластиковой мебелью, оставшейся после Бойни. Гул голосов, острый запах человеческого пота и дразнящие ароматы с кухни...

В центре зала между бревенчатыми подпорками-колонами тихонько бренчит на гитаре седой Сказитель. Аккомпанируя себе легким перебором струн, старик читает былинку о жизни до Бойни. Былина, судя по всему, не новая: Сказителя слушают немногие, да и то вполуха.

За массивными дощатыми столами и «кафешными» столиками из пластика сидят наемники. Перекусывают, отхлебывают из кружек, ведут неторопливые беседы. Любой из бойцов готов прямо здесь заключить сделку с заказчиком и немедленно приступить к работе, а потому все свое снаряжение посетители кабака держат при себе. Или на себе.

Шлемы, щиты, кольчуги, кожаные и металлические пластинчатые панцири, толстые курки с нашитым железом... У многих доспехи усилены прочными пластиковыми вставками. На двоих Виктор заметил старинные кевларовые бронежилеты. У одного была такая же древняя каска-сфера с забралом из ударопрочного стекла и заштопанной тканевой обшивкой.

Ну и оружие, конечно. Висящее на поясе, прислоненное к столам, стульям, лавкам и стенам, сваленное грудями по уг-

лам, воткнутое в земляной пол и просто лежащее под ногами... Мечи, сабли, секиры, алебарды, копья, палицы, арбалеты, ручницы-самопалы...

А вон – словно выставленный напоказ пистолет в проходившейся кобуре. Настоящий. «Макаров». Не чета пистолу с кремниевым замком, заткнутому за пояс Виктора. А там вон – охотничье ружье-двустволка с примотанным под дульным срезом граненым штыком. В кабаке было как минимум два Стрельца.

Но это все не то. Ага! Виктор увидел, наконец, что искал. Вернее, кого.

Он направился к дальнему угловому столику, за которым сидел в одиночестве невысокий крепыш с худощавым лицом, помеченным шрамом у правого виска. Наемник был в старинном броннике, дополненном кольчужными рукавами и подолом, металлическими наплечниками и горловой защитой. На штанах нашиты железные бляхи и пластиковые наколенники. На сапогах закреплены пластины поножей. Весь доспех выкрашен в зеленый лесной камуфляж.

Из-под подлокотника пластикового кресла в земляной пол упирались камуфлированные ножны длинного прямого меча, пригодного как для пешего, так и для верхового боя. На грубо сбитом деревянном столе лежали автомат Калашникова и клепанный шлем с наносником и кольчужной бармицей, прикрывающей затылок – тоже в зеленых маскировочных пятнах.

Наемник что-то сосредоточено жевал. Как и те двое, с пистолетом и ружьем-двустволкой, он тоже был Стрельцом.

Виктор подумал, что трех Стрельцов сразу в одном кабаке теперь увидишь не часто. Простых-то стрелков много: арбалетчики, лучники, бомбардные канониры, самопальщики, обслуга тяжелых стрелометов... А вот Стрельцы встречаются все реже. Мало кто в наше время обладает старыми, до Бойни еще изготовленными, не испорченными, не поржавевшими, не изношенными и не «убитыми» от частого употребления стволами. Мало кто обучен с ними обращаться, чинить их, ухаживать за ними, правильно пристреливать и убивать с их помощью, не растрачивая понапрасну дорогих боеприпасов. Мало кто использует сохранившиеся патроны не как ценный товар или ходовую обменную валюту, а по прямому назначению.

Нынче Стрельцы – особая каста. Их опыт, навыки и умения передаются из поколения в поколение, от отца к сыну. Для простых же смертных, не прошедших Стрелецкое посвящение, старое оружие – табу. Да, его можно подержать в руках, им даже можно торговать, но вот пользоваться... На такое сейчас решится не каждый. Давно подмечено: старое оружие чувствует и не признает не-Стрельцов. Оно разрывается у них в руках, ломается, клинит и отказывается стрелять в самый неподходящий момент, или наоборот, вдруг палит само по себе, когда этого никто не ждет, убивая хозяина, его друзей или случайных ни в чем неповинных людей.

Возможно, правда, за этим поверьем кроется всего лишь банальное неумение обращаться со старыми стволами. Так или иначе, но у Стрельцов подобных неприятностей почти не случается, а не-Стрельцов, пытающихся искушать судьбу, осталось мало. Виктор и сам больше доверял своему палашу и простенькому кремневому пистолю, чем древним скорострельным самопалам. Да чего уж греха таить – их он откровенно побаивался.

Впрочем, исправное старое оружие и боеприпасы к нему встречаются сейчас редко и стоят дорого, так что обзавестись сразу и тем, и другим не всегда могут даже опытные Стрельцы. А то, что у них есть, Стрельцы стараются использовать лишь при крайней необходимости. Разумная экономия истощившихся ресурсов...

* * *

– Приятного аппетита, А-Ка, – пожелал Виктор обладателю автомата и меча. – Не помешаю?

– Золотой? – наемник удивленно поднял бровь, от чего шрам на его виске чуть изогнулся. – Рад тебя видеть, дружище! Присаживайся.

Стрелец кивнул на пустующий стул напротив. Крепкая жилистая рука сдвинула в сторону шлем и «калаш», давший наемнику короткое и звучное прозвище.

– Не голоден, купец?

– Нет, А-Ка, спасибо, – качнул головой Виктор. – Я по делу. Поговорить надо.

– И, кажется, я догадываюсь о чем, – хмыкнул наемник. – Снова хочешь везти обоз?

– Хочу, – кивнул Виктор, глядя в глаза собеседнику. – Нужны люди. И хороший Стрелец, готовый возглавить охрану.

Виктор перевел взгляд на автомат собеседника.

– Лучше всего, если это будешь ты.

А-Ка ненадолго задумался.

– Я подозревал, что в Сибирске ты долго не усидишь, Золотой, – наконец, произнес он, – но не думал, что придешь ко мне так скоро.

Виктор молча ждал.

– В прошлый раз мы едва уцелели. Потеряли много людей и почти весь твой товар.

– Я помню, – вздохнул купец. – И сразу предупреждаю: в этой экспедиции будет не легче. Скорее, наоборот. Поэтому плата – две цены от обычного. Каждому участнику похода.

Наемник внимательно посмотрел на Виктора.

– Больше обещать не могу, А-Ка. Но это – гарантированный минимум. А мое слово крепкое, ты знаешь. Если торговля будет удачной, и обоз вернется благополучно, каждый получит сверху столько же. Ну и Стрельцу – возмещение потраченных боеприпасов, разумеется. Как всегда.

– Две цены от обычного, говоришь? – прищурился А-Ка. – Звучит м-м-м... пугающе. Куда намылился-то?

– В Нижний Приуральск.

Наемник тихонько присвистнул:

– Вот как! Рисковый ты парень. – = Помолчал. Добавил: – Но это мне в тебе и нравится, купец.

– Так ты согласен, А-Ка?

Стрелец усмехнулся:

– А когда я отказывался?

– Значит, по рукам?

– По рукам, Золотой.

Они скрепили предварительный договор рукопожатием. Впрочем, уже можно сказать не предварительный, а состоявшийся. А-Ка, как и Виктор, умел держать слово.

Хорошо... В глубине души Виктор опасался, что после предыдущего неудачного похода Стрелец не согласится участвовать в новой экспедиции. А ведь А-Ка был не просто надежным, неоднократно проверенным спутником. Он уже успел стать другом, на которого Виктор мог положиться в любой ситуации и при любых обстоятельствах. Никакому наемнику купец не доверял так, как этому автоматчику.

* * *

Хлопнула дверь. Звеня железом и постукивая доспешным пластиком, в кабак вошли патрульные дружинники – четве-

ро хорошо экипированных латников. На каждом поверх доспехов – накладка с гербом Сибирска: зеленый соболяк на белом фоне. Двое с мечами, один с арбалетом, один с карабином. Тоже Стрелец, только княжеский.

Дружинники осмотрелись. Молча, так и не проронив ни слова, вышли.

– Ишь, бдят... – усмехнулся А-Ка.

– И правильно делают, – ответил Виктор.

– Да, наверное, – согласился Стрелец, и вновь посмотрел на купца. – Золотой, это, конечно, не мое дело, но все-таки хочу задать один вопрос.

– Спрашивай.

– На какие шиши экспедицию снаряжаешь? Ты же в прошлый раз почти всего добра лишился. Товар с единственной оставшейся повозки сбрасывал, чтобы раненых везти. Неужели снова наторговал на поход?

Виктор поморщился. Вопрос был больной и неприятный. В принципе, на него можно было не отвечать, но Стрельцу лучше ответить.

– Наторгуешь здесь, как же, – вздохнул он. – Без дальних походов хорошей торговли не будет.

– Тогда как?

– В долги влез. Заложил, что было. Взял под процент чужой товар.

– К тебе что, вернулась твоя золотая пуля? – А-Ка многозначительно постучал по лбу. – И вышибла, на фиг, послед-

ние мозги?

Свое прозвище Виктор получил, когда, отстреливаясь от таежных волкопсов, израсходовал весь запас свинца и зарядил пистоль золотым – дорогой иноземной монетой, привезенной ордынскими купцами. Именно тем «золотым» выстрелом он снес вожаку волкопсовой стаи полголовы и спас обоз. А-Ка иногда в шутку напоминал об этом случае, но сейчас Стрелец и не думал шутить.

– У меня нет выбора, – насупился Виктор. – Торговля в долг – единственный шанс быстро встать на ноги.

– Э-э-э, да ты еще более безбашенный, чем я думал, – неодобрительно покачал головой А-Ка. – А если опять обоз потеряем? Прогоришь ведь совсем. Из гильдии выгонят. В долговую яму попадешь. Или вообще за стену вышвырнут на фиг.

В окошко над столиком А-Ка хорошо видна была городская стена: наемнические кварталы располагались как раз возле нее. Высокая, такая стеночка, надежная, неприступная, охраняемая бдительной стражей. По эту сторону стены можно было жить спокойно. С другой стороны так уже не получится.

– Мои проблемы, – поджал губы Виктор.

– Ну-ну, – задумчиво покивал А-Ка. – Меня вот никогда в купцы не тянуло. И чем больше с тобой общаюсь, тем лучше понимаю, почему. Ты уверен, что тебе это нужно, а, Золотой? Твердо решил идти в Приуральск?

– Да, – отрезал Виктор. – И давай больше не будем об этом.

– Как знаешь, – пожал плечами Стрелец. Помолчал... – С другими купцами объединиться не пробовал?

Виктор покачал головой:

– Другие не хотят сейчас туда соваться. Боятся. Возле Приуральска уже три обоза пропало. Что-то там плохое творится. Опять, наверное, твари из-за Хребта лезут.

– О пропавших обозах я слышал, – вновь кивнул А-Ка. – Ну а если к княжескому каравану пристать?

– Не берут. Говорят, обуза не нужна – свой бы груз до Приуральска довести. И дорого получится за охрану дружинникам платить. Я сейчас столько не потяну. Да и вообще, – Виктор махнул рукой. – Князь тоже медлит с отправкой каравана. Выжидает. Так что по-любому самим идти придется.

– Тогда давай о деле, – посерьезнел А-Ка. – Сколько повозок берешь?

– Уже взял. Три. Две обычные, одна – авто.

– Автоповозка – дорого, – заметил наемник.

– Дорого, – согласился Виктор. – Но без нее никак. Была бы у нас такая в прошлый раз – не увязли бы на тракте.

– Ладно, тебе виднее. Вооружение на повозках есть?

– Малые бомбарды, стрелометы.

– Быкони?

– Как обычно. Тягловые и верховые. Осталось только команду набрать. Не большую, но толковую. Поможешь? Ты

ведь наемников знаешь. как облупленных.

– А что, прежней команде прошлого похода хватило? – прищурился А-Ка.

Стрелец угадал.

– Не все такие сорвиголовы, как ты, А-Ка, – вздохнул Виктор.

– И как ты, Золотой, – не остался в долгу наемник.

– Так поможешь?

– Легко. Из свободных и толковых бойцов все сейчас здесь, в кабаке.

– Кого посоветуешь?

А-Ка обвел помещение задумчивым взглядом:

– Хм... Подходящие кандидатуры есть, конечно, но вот с кого бы начать-то? – пробормотал он, что-то прикидывая.

– Лекаря бы нам, – подсказал Виктор, вспомнив, сколько в прошлый раз было раненых и погибших от ран. – Желательно, чтобы и врачевать умел и в бою подсобил, если что.

– Ах, лее-екаря... – А-Ка расплылся в странной улыбке. – Тогда тебе нужно начинать вербовку во-о-он с того типчика. Видишь, бычара в углу с кистенем на поясе?

– Ну.

– Костоправ это. Попробуй его уговорить.

Бородатый детина с мрачным лицом, облаченный в кожаную броню, обшитую металлическими и пластиковыми бляхами, не производил впечатление дружелюбного и общительного человека. Незнакомец уплетал что-то из тарел-

ки, больше похожей на котелок не самых маленьких размеров. Губы здоровяка при этом недовольно кривились, а глаза неприязненно зыркали из-под сведенных бровей. С пояса незнакомца свисала на цепи увесистая гирька на цепи, усеянная небольшими шипиками. Этот бугай под два метра ростом больше походил на костолома, чем на костоправа. С таким не то что говорить не хотелось, даже подходить к нему желания не возникало.

– Сразу предупреждаю: с ним будет нелегко, – заметил А-Ка.

– Почему?

– Так... – Стрелец пожал плечами. – Нелюдимый он. Ругачий. Тот еще мизантроп.

– Ну а лекарь-то хороший?

– В Сибирске лучше не найдешь. Да и во всем княжестве, пожалуй. Он раньше, кстати, в княжеской дружине служил, но... В общем, не удержался там. Часто конфликтовал с начальством.

– Как его звать?

– Я же говорю – Костоправ. Кликуха такая. Хотя я бы его назвал мозгоё-о... м-м-м, в общем, неважно. Он однажды быконю вывихнутую ногу вправил. Прочем голыми руками.

– Разве такое возможно? – изумился Виктор.

– Этот смог. С тех пор его иначе как Костоправ никто и не называет. В принципе для лекаря самое то погоняло.

– А кистинек у него на поясе – тоже чтобы кости пра-

вить? – спросил Виктор. – Или мозги?

– Не-е, это для самозащиты, – усмехнулся А-Ка. – Косто-прав, кстати, кистенем прекрасно владеет. Равно как дубинкой, палицей, булавой и боевым цепом – и малым, и большим. А уж как при этом матом кроет... – Стрелец закатил глаза. – Заслушаешься! В общем, попробуй счастья, купец. Только когда он тебя пошлет, сразу не уходи, не обижайся и в драку не лезь. Костоправ просто человек такой... непростой.

– А он пошлет?

– Непременно, – заверил А-Ка. – Он всех посылает. Как правило. Поначалу. Короче, Золотой, если сможешь вербануть Костоправа, то остальных и не заметишь, как уломаешь. Так что давай, дерзай...

* * *

Когда Виктор подошел к столику лекаря, Костоправ на него даже не взглянул. Содержимое тарелки явно занимало наемника больше, чем потенциальный работодатель. Бугай поедал густое варево, громко чавкая и не очень заботясь о приличиях. Большая деревянная ложка в его лапище казалась хрупкой и миниатюрной безделушкой.

– Добрый день, – поздоровался Виктор с затылком и латыми плечами, склонившимися над столом. – Извините, что беспокою.

– Занято, епть! – раздраженно буркнули в ответ. Лекарь

и не думал, поднимать глаз от тарелки.

Невежливо получалось, совсем невежливо.

– Приятного аппетита, – Виктор все же повторил попытку культурно завязать разговор, мысленно желая лекарю подавиться.

– Ты че, совсем тупой? – Костоправ глянул на Виктора так, словно в нем крылось все зло этого мира. – Я же сказал, мля: занято.

Виктор почувствовал, как у него начинают чесаться руки. Увы, проучить наглеца самым простым и действенным способом нельзя. Устраивать драку в Сибирске, да еще и в наемничем квартале – себе дороже выйдет.

– Кем занято? – процедил Виктор. – За столиком никого кроме тебя нет, – желание общаться на «вы» с этим уродом пропало напрочь.

– Мною и занято, – фыркнул Костоправ. – Так что отвали на хрен. Катись, откуда пришел.

Посчитав беседу исчерпанной, он вернулся к вычерпыванию содержимого тарелки.

Не, ну не сволочь, а?

– Я полагал, в этом заведении наемники ищут работу, – сухо произнес Виктор.

– Вообще-то, мля, сюда люди еще пить и жрать ходят.

– А если пить и жрать не не что будет?

– Слушай, ты, хмырь тупорылый, – на него снова соизволили взглянуть. Так, искоса, мельком, не прекращая приема

пищи. — Я только вчера вылечил одного богатенького лоха, вроде тебя, так что на кабака у меня хватает.

— И все-таки я распишу тебе свой расклад, — с трудом сдерживаясь, выдавил Виктор. — Может, понравится. А ты пока жри и слушай.

— Да по хрену мне твои расклады! Клал я на них с большой колокольни, так что засунь их знаешь куда?

Какой-то неправильный у них выходил разговор. Виктор чувствовал себя так, будто, не он нанимает Костоправа, а наоборот. Купец всерьез задумался над тем, нужен ли вообще в обозе такой лекарь. Виктор покосился на А-Ка. Тот энергично и ободряюще кивал. На губах Стрельца застыла улыбка — то ли сочувствующая, то ли насмешливая: так сразу и не понять. Ну, ладно...

Виктор вкратце обрисовал ситуацию:

— Я купец. Веду торговый обоз в Приуральск...

— Где сейчас хрен знает, что творится, и откуда хрен выберешься? — тут же перебил его Костоправ.

— Да, именно туда. Нужен лекарь. Мне порекомендовали тебя.

— Какая падла?

— Не важно.

— Ну и пошел ты...

Хватит! Виктор сел за стол Костоправа. Без приглашения и разрешения.

— Давай поговорим по-человечески, Костоправ!

Он решительно отодвинул тарелку собеседника в сторону. Лекарь аж поперхнулся от такой наглости.

В кабаке вдруг стало тихо. Казалось, добрая половина посетителей уставилась на Виктора. Так смотрят на смертника. Или на несчастного дурачка, совершившего самую большую глупость в своей жизни.

– Ах, ты ж, су-у-ука, – почти ласково протянул лекарь. Взял тарелку. Снова пододвинул к себе. И заработал ложкой – заметно быстрее, чем раньше. Судя по всему, только что высказанная в адрес Виктора характеристика была лишь прелюдией. Главная тирада прозвучит чуть позже – когда Костоправ доест. Но немного времени у Виктора еще оставалось.

– Плачу по двойному тарифу и вчетверо больше стандартной таксы Купеческой гильдии, – снова заговорил он, едва преодолевая желание макнуть собеседника мордой в остатки жирного варева. – Если поход будет удачным – добавлю столько же.

Костоправ молча скреб ложкой по дну тарелки.

– Кормежка – моя, транспорт – мой, быкони – мои. От тебя требуется врачевать в пути больных, калечных и раненых, не отсиживаться в сторонке, когда дело дойдет до драки, и подчиняться мне. Только подчиняться не так, как ты подчинялся своим десятникам и сотникам в княжеской дружине.

Костоправ доел.

– Ну? Что скажешь? – спросил Виктор.

Костоправ сказал.

Он долго, обстоятельно, со вкусом и смаком, часто перемежая витиеватый монолог изощренным матом, живописал о том, что в самом скором будущем намерен проделать с приставающим купцом, не дающим спокойно поесть наемнику, у которого нет ни желания, ни настроения ввязываться в дурацкую авантюру. Речь шла главным образом о труднореализуемых в действительности, но очень красочно обрисованных сексуальных фантазиях маньяка-извращенца, помещенного на использовании в своих гнусных целях самых разных подручных средств. Начал Костоправ с пистоля и палаша Виктора, потом перешел к своему кистеню. Затем, дабы усугубить воображаемые мучения жертвы, пустил в ход прочее огнестрельное и холодное оружие, имевшееся в кабаке. Потом очередь дошла до кухонной утвари, предметов мебели и множества других вещей, которые обычный человек никогда бы не додумался применять подобным образом. Обычный – нет, но у Костоправа фантазия в этом плане была поистине безграничной.

Когда лекарь, наконец, заткнулся, Виктор глубоко и шумно вдохнул. Выдохнул... Строгие законы Сибирска сурово карали за рукоприкладство, однако свободу слова они не ограничивали. Может, потому и появлялись здесь такие уникалы, как Костоправ. Но если лекарь считает, что крыть матом гораздо только он один, то это глубочайшее заблуждение.

Уже было ясно, что завербовать Костоправа не получится

и Виктор дал себе волю. Гнев, сдерживаемый все это время, воплотился в словесные формы, от которых уши вянут как осенние листья. Теперь уже все посетители кабака без исключения, затаив дыхание, следили за бескровным поединком купца и лекаря.

После длинной и лихо закрученной ответной тирады, Виктор поднялся из-за стола, собираясь уйти. Костоправ смотрел за него удивленным и немного задумчивым взглядом. В глазах лекаря читался неподдельный интерес.

– Так сколько, говоришь, ты платишь за работу, купец? – вдруг широко оскалился он.

Часть первая

Глава 1

Длинная стремительная тень метнулась сверху неожиданно и бесшумно. Словно от лохмотьев слабо покачивающегося на ветру кронового мха вдруг оторвался и упал вниз большой тяжелый клочок.

Только никакой это был не мох. Зверь это был. Столь же ценный, сколь и опасный. Зверь, ведущий охоту на людей не менее успешно, чем люди охотились на него.

– Соболяк! – отчаянно крикнул кто-то из обозников.

Виктор оглянулся на крик.

Да, это был он! Соболяк. Гость из Котла. Жуткая помесь соболя и лисицы. Пушистый и безжалостный хищник-мутант, прыгающий по веткам с ловкостью белки и использующий в охоте тактику рыси.

Пропустив обоз, соболяк напал на Кирку – замыкающего всадника из верховой охраны. Зверь увернулся от поднятого копейного наконечника, сдернул человека с быконя и уже тащил трепыхающуюся добычу за обочину – в густые непролазные заросли.

Виктор схватился за пистоль, прекрасно понимая, что ничем не сможет помочь несчастному. Короткий самопал был

снаряжен не пулей, а картечью. Он был хорош против прущих толпой противников, но сделать из пистоля точный выстрел не получится. Картечь изрешетит обоих – и соболяка, и наемника-охранника.

В воздухе просвистели два арбалетных болта. Увы, оба цели не достигли. Первый вошел в землю, едва не пригвоздив бедолагу Кирку, второй лишь скользнул по плотному меху твари.

Однако утянуть добычу с тракта зверь все-таки не успел. В тишине леса грянул одиночный автоматный выстрел. А-Ка, ехавший в голове колонны, пальнул из своего старенького «калаша» прямо с седла.

Стрелец редко промахивался. Не промазал и в этот раз.

Голова соболяка взорвалась, словно пороховая бомба, забрызгав Кирку кровью, мозговым веществом и ошметками черепа. Но челюсти, вцепившиеся в плечо человека, так и не разжались.

* * *

К пострадавшему наемнику спешили трое. Виктор выскочил из автоповозки и рванулся к Кирке еще до того, как стихло эхо выстрела. А-Ка погнал своего быконя вдоль обочины, не забывая, впрочем, поглядывать на опасный подлесок и кроны деревьев, с которых запросто могла сверзиться еще одна тварь. От головной повозки вперевалку, по-медвежьи,

бежал и матерился Костоправ. На поясе лекаря, словно хвост с кисточкой, болталась шипастая гирька кистеня.

Из-за высоких бортов повозок полезли было остальные обозники.

– Не высовываться! – на бегу крикнул Виктор. – Всем оставаться на местах!

– За лесом следите! – присовокупил А-Ка, спрыгивая с седла: до раненого он добрался первым.

Свой «калаш» Стрелец из рук не выпускал. Хотя напавший на обоз хищник был убит, это не гарантировало безопасности. Во-первых, соболяки пусть нечаянно, но все же охотились парами и даже небольшими группами. А во-вторых, выстрел, прогремевший в лесу, мог привлечь других котловых тварей. И не только тварей, кстати.

А-Ка поставил быконя так, чтобы животное прикрыло Кирку от леса. Умная скотина как в землю вросла. А толстая быконская шкура с костяными наростами и защитная попо-на из кожи вепря-рогача, свисающая почти до земли – не самое плохое укрытие.

Хотя и не самое хорошее, конечно.

Стрелец положил автоматное цевье на седло, как на упор. Замер, готовый в любой момент открыть огонь по «зеленке», вплотную подступавшей к тракту.

– Зря ты вылез, Золотой, – попенял он Виктору, когда тот тоже подбежал к раненому.

Зря, конечно. Тут Стрелец прав на все сто. Проку от купца

здесь немного, а обозные повозки с укрепленными бортами все-таки защитят от враждебного прикотлового леса лучше, чем быконский бок. Но просто так сидеть и ждать в своей автоповозке Виктор тоже не мог. За людей он беспокоился больше, чем за товар. В конце концов, без верных людей и торговли не будет. Да и вообще...

– Прикрывай, – буркнул Виктор в ответ. Будучи начальником обозной охраны, А-Ка может приказывать любому обознику, но купцу-нанимателю Стрелец – не указ.

– Да прикрываю я, прикрываю, – поморщился А-Ка.

Виктор склонился над раненым.

– Как он? – Стрелец бросил быстрый взгляд в их сторону.

Крови было много, однако мертвым Кирка не выглядел. Пока, во всяком случае. Боец стонал, что-то мычал сквозь стиснутые зубы и шумно дышал длинным крюкообразным носом, давшем ему необычное прозвище.

– Живой, – ответил Виктор.

Он вставил ствол пистоля между зубами соболяка. Не без труда разжал челюсти мертвого хищника. На железе остались глубокие отметины.

Мертвую тварь с развороченной головой Виктор отпихнул в сторону. Самое главное сделано. Зубы у соболяка нехорошие. Яда в них нет, но всякой дряни, нахвatanной в Котле – полно. Если сразу не вытащить соболячий зуб из раны – жди воспаления. А так рана у Кирки, вроде бы, не смертельная. Когти лишь раскромсали доспех. Два длинных клыка про-

шли между металлических пластин. Проткнули бы шею – труп. Но до шеи хищник не дотянулся – видимо, помешало копьё Кирки. Зверь только прокусил плечо. Правда, рана обильно кровоточила. А когда Виктор извлек клыки – закрыло еще сильнее. Купец придавил пальцем прокушенную жилу. Вроде бы, крови стало меньше.

* * *

Подоспел Костоправ. Бухнулся на землю перед раненым. Оттолкнул Виктора: мол, не мешай, раз врачевать не умеешь. Открыл лекарскую сумку. Что-то тихонько звякнуло. Булькнуло содержимое какой-то склянки.

Теперь Кирка был в надежных руках. Если Костоправ не поможет раненому, то этого уже не сделает никто.

Лекарь с недовольным видом, будто не он сам только что бежал сюда со всех ног, а его отвлекли по пустякам от какого-то по-настоящему важного дела, принялся колдовать над раной.

Кирка вскрикнул от боли.

– Не скули! – раздраженно шикнул Костоправ. – Дай рану промыть.

Еще один вскрик.

– Да не дергайся ты, мля! Считай, что тебе повезло, паря. Нос твой раскрутой не откусили, горло не перегрызли. В общем, рожа цела и жить будешь, а плечо зарастет. Тебе там

только слегонца шкуру пожевали. Спокойно лежи, я сказал, а то по шее схлопочешь! Мне перевязку затянуть нужно, мать твою! Вот та-а-ак...

– М-м-м! – простонал Кирка.

– Теперь вставай, симулянт долбанный! Пшел к повозке!

Костоправ бесцеремонно сграбастал раненого и рывком вздернул Кирку – уже отошедшего от первого шока, но вновь зашуганного лекарем – на ноги. Повел к повозкам, поддерживая по пути. Со стороны, правда, казалось, что сам Кирка опасается лишний раз опереться на сварливого медика.

Насчет «слегонца пожеванной шкуры» Костоправ, конечно, загнул. Иные от такого «слегонца» сознание теряют. И все же в этот раз обошлось, вроде... За время похода Виктор уже успел изучить повадки обозного лекаря. Костоправ эскулап, конечно, тот еще, и методы обращения с больными у него своеобразные, но раз говорит: будешь жить – значит, будешь. Заставит, даже если сам того не захочешь. И если лекарь сказал, что плечо зарастет, значит у него, у плеча этого, просто нет другой альтернативы.

Успокоившись немного, Виктор встал возле А-Ка – прикрывать эвакуацию раненого. Положил ствол пистоля на быконский круп. Животное по-прежнему не шевелилось, только вздымалась ороговевшая кожа на боках и шее. Защитная попона то поднималась, то опадала в такт дыханию.

– Эй, кто там! – раздался сзади раздраженный голос Костоправа. – Хреном вас об оглоблю пять раз!

Виктор улыбнулся. «Хрен», вообще было любимым словечком лекаря...

– И по две оглобли каждому в зад, мать вашу!

...наряду с прочей экспрессивной лексикой.

– Быконягу страдальца нашего гребанного к телеге привяжите, дармоеды! И его самого помогите поднять! А то двигается еле-еле, будто в штаны наложил! Больным себя, мля, воображает!

Кроме бухтения Костоправа и суеты обозников, принявших раненого, ничего слышно не было. Лес хранил тишину. Никто на обоз больше не нападал. Судя по всему, подстреленный соболяк все же оказался одиночкой.

* * *

Виктор еще раз глянул на мертвого зверя. Крупный экземпляр...

Гибкое и сильное тело. Когти – как загнутые кинжалы. Клыки с палец. Широкий пушистый хвост – парус и руль одновременно: прекрасное подсполье в прыжках и полете. мех – мягкий, густой, с отчетливой прозеленью и легким сероватым оттенком. Сейчас, когда хищник валялся неподвижной бесформенной кучей, он был особенно похож на оторвавшийся кусок кронового мха. Неудивительно, что никто не заметил мутанта. Обнаружить соболяка, затаившегося в листве и замшелых ветвях, не просто. Его пушистую шку-

ру и вблизи-то не отличишь от толстой моховой губки.

Мех-мох, мох-мех... Похожи, заразы.

Кроновые мхи – порождение Котлов, распространившиеся далеко за их пределы. Ветер разносит легкие моховые споры на многие километры. Споры быстро прорастают. Мох из Котла приживается всюду, где есть леса, и образует новые колонии.

Собственно, от самого мха вреда нет. Скорее, польза: из мягкой, прочной и непромокаемой мшистой массы получают хорошие, хотя и недолговечные подстилки и кровли домов. Мох питается соками деревьев, но, как и подобает предусмотрительному паразиту, – в разумных пределах, не иссушая и не убивая дерево-носитель. Беда тут в другом: вслед за кроновыми мхами рано или поздно приходят соболяки, идеально приспособившиеся к охоте в замшелых лесах. Используя котловой мох как естественное укрытие, хищники часто нападают на людей и скотину.

Впрочем, и от них тоже имеется своя польза. Лютой сибирской зимой нет ничего лучше, чем одежда из соболячьего меха. Такая пушнина – теплая и практически вечная – ценится очень высоко. Вот только добыть соболяка трудно. Промысловики-охотники сами гибнут чаще, чем возвращаются домой с добычей. Потому и платят за шкуру хищника-мутанта хорошую цену. Хотя есть товар, на который и соболяков не напасешься...

– Арбалетчики сплеховали. – посетовал А-Ка, все еще

державший лес под прицелом. – Патрон пришлось потратить!

Виктор понимающе кивнул. Патроны сейчас – дело такое. Они ценятся не меньше, чем золото или соболяки. А в некоторых случаях – гораздо выше. Вот в их ситуации, например, полный магазин к «калашу» – это не просто богатство, а шанс на выживания. Да только где ж его взять, полный магазин-то?

У обозного Стрельца – только один рожок, и тот початый. Если в Приуральске удастся выгодно сбыть товар ордынским купцам, можно будет прикупить еще немного патронов. Но до Приуральска сначала добраться надо. Причем, ехать нужно вдоль Хребтового тракта. По-над границей с Большим Котлом.

– Ладно, А-Ка, не расстраивайся, – сказал Виктор. – То на то и вышло. Соболяк в Приуральске аккурат патрон стоит. А повезет – так и два выторговать можно. А ты, вон, шкуру, считай, не попортил. Специально, небось, в голову целил?

А-Ка не ответил.

– Снимешь шкуру-то? Твоя законная добыча.

– Сниму, конечно, – не стал скромничать Стрелец. – Только не здесь.

Нагнувшись, он поднял мертвого соболяка и перекинул мохнатую тушку через седло.

– По пути где-нибудь освежую. Здесь задерживаться нельзя: пошумели сильно. На всю округу о себе объявили.

Тоже верно...

Виктор обернулся. Кирка уже лежал в повозке лекаря. Костоправ, что-то бормоча, склонился над раненым. Оставшийся без седока быконь был привязан к замыкающей телеге.

– Уходим, А-Ка, – кивнул купец и с пистолем наизготовку попятился к обозу. Поворачиваться спиной к лесу не хотелось.

Стрелец вскочил в седло. Одной рукой он удерживал повод и прижимал к седельной луке соболяка. В другой – держал «калаш», положив автомат на сгиб руки.

– Трогай! – крикнул А-Ка.

Заскрипели колеса. Небольшая колонна, прикрываемая всадниками с флангов и с тыла, двинулась дальше по тракту.

Глава 2

Дзинь-дзинь, – тихонько позвякивал болтающийся сзади крюк лебедки, обмотанный ржавой проволокой. Тук-тук, – над открытой кабиной автоповозки постукивал о поворотный лафет-турель разблокированный клиновый запор. Долговязый канонир водил из стороны в сторону стволом небольшой бомбарды. Фланговое наблюдение вели лучник и стрелок с ручницей-гаковницей, уперевший крюк тяжелого самопала в специальный паз на борту. Впереди сидел возница, правивший упряжкой. Сзади, на надстроенной кормовой площадке у тяжелого многозарядного стреломета, расположился еще один наемник.

Груженная автоповозка тяжело покачивалась на ухабах и рытвинах. Тягловые быкони, связанные ремнями упряжи с ржавым бампером, шли ровно и не выказывали усталости, так что заводить мотор и тратить горючку сейчас не имело смысла. Да и рокотать на весь лес старым движком с раздолбанным глушителем без особой нужды не стоит. Хватит уже, пошумели. А-Ка прав: автоматный выстрел мог услышать кто угодно.

Быкони со своей работой справлялись на отлично. Они были словно специально созданы для нее. Что ж, ускоренные мутации не только «одарили» этот мир опасными тварями, но и позволили вывести новые виды домашних животных.

Быконей в том числе. Хорошо защищенные природной броней, непугливые, послушные, более сильные и выносливые чем быки и почти такие же быстрые, как лошади, они были одинаково хороши и в упряжке, и под седлом. Прекрасная скотина! Одно из немногих приобретений человечества, утратившего во время Бойни почти все. Без быконей купеческие повозки вряд ли вообще прошли бы по разбитым лесным трактам.

У обочины из кустов показался покосившийся крест. Не очень старый, кстати, с неистлевшими и даже непоблекшими еще жертвенными тряпицами, повязанными на поперечной перекладине. Крест был один. Но сколько народу лежит под ним? Об этом сейчас можно только гадать. Один человек? Двое? Десять? А может, здесь упокоен целый обоз или дружина? Кто знает? Если ставить кресты над каждым погибшим на тракте, то они, кресты эти, наверное, будут торчать повсюду. Обычно умерших в дороге странников хоронят в одной братской могиле. И могильный знак ставят тоже на всех один.

Виктор поднял повыше бортовой щит, закрывающий автоповозку с его стороны. Велел вознице сделать то же.

Когда-то автоповозка была джипом, но в результате многочисленных переделок старый, кое-как отреставрированный внедорожник изменился настолько, что теперь трудно было определить изначальную марку машины. Да и не помнил уже никто толком старых автомобильных брендов.

Автоповозочные Мастера-цеховики, которых, кстати, сейчас осталось еще меньше, чем Стрельцов, просто сделали из внедорожника вместительный и функциональный транспорт, способный двигаться как своим ходом, так и на гужевой тяге. На таком и груз перевозить удобно и от нападений в пути отбиваться. А при необходимости автоповозка выедет из размытой колеи сама и вытянет застрявшую телегу. Главным образом ради этого Виктор и взял ее в поход – в качестве тягача на экстренный случай.

Все лишнее из старого джипа выкинули, все необходимое – оставили. Добавили еще кое-что нужное. Навесили дополнительную защиту и снаряжение, но так, чтобы не очень утяжелять конструкцию. Установили сзади лебедку на поворотной штанге и многозарядный стреломет, а сверху поставили крепкую подвижную турель-лафет для небольшой бомбардочки. В общем, превратили, машину в крепость на колесах. А иначе – нельзя. Каждая обозная повозка представляла собой этакий гуляй-город в миниатюре. Крепкие высокие борта, бойницы, подъемные наружные щиты, самопалы, самострелы, стрелки, готовые к бою...

Дзинь-дзинь. Тук-тук. Нервы – как натянутая тетива на луке...

Обозники смотрели по сторонам, а после нападения соболяка и вверх поглядывали особенно часто. Оружия никто не убирал: опасный путь, опасное место...

Глухомань. Прихребетная граница. Самая окраины Вели-

кого Княжества Сибирского.

Покачиваясь на связках соболячьих шкур, подготовленных на продажу, Виктор вместе со всеми наблюдал за зеленой стеной леса, наваливающейся на тракт с двух сторон.

Дзинь-дзинь...

– Эй, притяните там крюк покрепче! – велел Виктор.

Сидевший сзади стрелок примотал железку к поднятой штанге. Звенеть перестало. Хоть немного меньше шума будет.

От Сибирска-на-Оби они отъехали уже далеко. Но и до Нижнего Приуралья, хранившего юго-западные рубежи княжества, еще не добрались. Небольшой караван преодолевал самый опасный участок маршрута, который не то, что купеческий обоз, – не всякая разбойничья ватага и даже заставная дружина пройдет благополучно.

Если забраться на дерево повыше, уже можно было увидеть Уральские горы. А дальше, за Хребтом, раскинулся Большой Котел, в котором варилось чудовищное варево. Именно оттуда, с запада, приходила чужая и чуждая жизнь. Жизнь, которая несла с собой смерть...

* * *

Котел... Этот термин получил повсеместное распространение еще во времена Бойни и сразу после нее, когда уцелевшие и обезумевшие люди бежали наперегонки со смертью,

метаясь в поисках безопасных или хотя бы условно безопасных мест. И, как правило, проигрывали эту гонку.

Сначала Котлами называли эпицентры ракетно-бомбовых ударов, из которых практически невозможно было выбрать-ся и от которых следовало держаться подальше. В Котлы превращались территории, подвергшиеся атомной бомбардировке, а также зоны применения химического, биологического и... И кто знает, какое еще оружие тогда применялось?

Но со временем слово это, сохранив прежний смысл, обрело еще и новый, не менее зловещий. Теперь Котлами называют земли, куда не станет соваться нормальный человек в здравом рассудке. Нормальному человеку там нет места. По той простой причине, что все живое в нынешних Котлах ненормально. Людям в Котлах не выжить. Обычным людям, во всяком случае.

Котлы были везде. Приоритетными мишенями минувшей Бойни являлись крупные мегаполисы, военные объекты и базы, промышленные центры и густонаселенные районы. После сумасшествия планетарного масштаба и глобального суицида человеческой цивилизации там было уничтожено все или почти все. Ну а потом...

Потом выжженная, зараженная и, как казалось, мертвая местность разродилась невиданными и немислимыми формами флоры и фауны. Пока жалкие остатки человечества боролись за выживание в глухих уголках планеты, «котловая» жизнь приспосабливалась к новым условиям, эволюциони-

ровала и плодилась с невероятной скоростью.

Время шло. Сожженная и отравленная земля исцеляла свои раны, переваривала сама себя, нейтрализовывала тоны излитой на ее поверхность гадости и постепенно обновлялась.

Зараженные территории сами по себе больше не несли угрозы. Радиационный фон снизился, яды распались и рассеялись, возбудители смертельных болезней, к которым у обитателей Котлов выработался стойкий иммунитет, впали в спячку, присыпанные новым слоем почвы. Однако запущенный механизм мутаций было уже не остановить. То, что обрело жизнь в Котлах и что Котлы начали извергать из себя, зачастую, было страшнее и радиации, и отравы.

Котлы бурлили, выплескивая вовне живую пену. Мутанты перли волна за волной: растения, животные, рыбы, птицы... Даже люди. Вернее, одичавшие и утратившие человеческий облик существа, лишь отдаленно напоминавшие людей. Потомки тех немногих несчастных, которые укрылись в убежищах и бункерах и смогли чудом выжить, но у которых никогда уже не рождалось нормальных детей.

Котлы стали смертельно опасной зоной. Землей мутантов. Терра мутантика – так называли их мудрые Сказители.

«Терру» можно было обнаружить еще на подходе. Котлы словно предупреждали заранее: дальше пути нет, поворачивай назад, или двигай в объезд.

Или умри.

Вот и здесь...

Приграничный тракт, разумеется, не подходил непосредственно к Хребту, но близость Большого Котла уже ощущалась во всем. Во встречающихся то тут, то там изуродованных мутациями камень-деревьях, толстые, с крепкими как кремень наростами, стволы которых выкручивались спиралью, а корявые узловатые ветви росли не вверх, а вниз. В кустах, вымахавших выше иной березки. В покрытых ядовитой смолой длинных иглах, усеивавших здешние елки и ели. В неестественно больших листьях, которые взгляд все чаще выцеплял среди обычной листвы. В тех же кроновых мхах, свисавших зелеными бородами практически с каждого дерева. В соболяках, вольготно чувствовавших себя на границе Большого Котла...

На территории Сибирского княжества были, конечно, и свои внутренние Котлы. Из них тоже расползалась мутировавшая нечисть. Но опасность, исходящую из малых Котлов, в последнее время удавалось худо-бедно локализовать, а от тварей, которые все же прорывались сквозь защитные кордоны, сибиряки без особого труда отбивались из-за стен городов и поселений, поставленных в глухой тайге. Необъятные и неосвоенные таежные просторы Сибири оказались ее спасением. Сюда во время Бойни почти не падали ракеты и бомбы. Здесь люди смогли выжить и не опуститься до скотского состояния.

А вот то, что творилось за Уралом...

В самый разгар Бойни, когда ее участники судорожно лупили ядерными и прочими зарядами направо и налево, когда бились уже не за свою победу, а за уничтожения противника любой ценой, практически вся густонаселенная европейская часть России подверглась массированной бомбардировке с применением оружия массового поражения. И оружие поразило. Всех. Массы. Накрыло целые области и края. Теперь западнее Урала раскинулся Большой Котел... Главная угроза для Сибири.

Увы, Уральский хребет оказался ненадежной преградой. Во-первых, котловые мутанты легко перебирались через него, а во-вторых, по территории Урала тоже было нанесено несколько мощных ударов, так что Большой Котел сливался с несколькими малыми, перехлестывавшими через Хребет.

Чтобы хоть как-то защититься от опасного соседства, сибирские князья огораживали свои владения на западной границе укрепленными заставами и даже основали там несколько городов, куда активно привлекались поселенцы. Желаящие находились. Кто-то ехал в опасные прикотловые края ради хороших княжеских подъемных, кто-то – чтобы испить вино и избежать наказания за совершенные преступления, кто-то зарабатывал себе на сытую старость.

Спокойной жизни в приграничных районах не было. Зато богатое Сибирское княжество щедро оплачивало риски поселян и порубежных дружинников. Расходы, конечно, выходили немалые. Строительство укреплений, жалование пору-

бежникам, оружие, боеприпасы, тракты, которые пришлось заново прокладывать по старым шоссе и магистралям... Однако затраты того стоили. Высокой платой воинам и переселенцам за их страх и кровь, княжество покупало собственное спокойствие. Опасные мутанты из Большого Котла, как правило, увязали на приграничных рубежах и редко добиралась до Сибирска-на-Оби. Такое положение дел было выгодно и купцам Сибирской гильдии, торговавшим с дальними гарнизонами, где люди страдали от чего угодно, но только не от бедности. Правда, далеко не все купцы отваживались водить обозы к западным границам Княжества. Но те, кто решался – преуспевали. Если не лишались головы.

* * *

– Золотой, слышь? – голос А-Ка вывел Виктора из задумчивости, – Я соболяка к твоей повозке прицеплю, лады? А то кровит и кровит, зараза. Всю попону испачкал.

Стрелец указал под седло. Защитная попона на быконе действительно была заляпана соболячьей кровью.

– Валяй, – Виктор кивнул на лебедочный крюк за кормой.

А-Ка на ходу, не покидая седла, примотал проволокой к крюку хвост мертвого соболяка. Теперь тушка мутанта покачивалась на лебедке, а кровь капала на землю, никому не доставляя неудобств.

– Как там Кирка? – Виктор глянул на повозку, в которой

ехали лекарь и раненный наемник. Из повозки доносился невнятный бубнеж.

– Нормально, – чуть заметно усмехнулся А-Ка, – Раз Костоправ его матом кроет, значит, все в порядке. Была бы рана серьезная, лекарь не языком бы молол, а руками работал. Над тяжелоранеными он так не разоряется. Совсем зашугал Кирку. Когда я мимо проезжал, парень уже в седло просился.

Виктор понимающе улыбнулся. Обозный лекарь порой казался хуже соболяка. Недавно сам Виктор, напоровшись на отравленную хвою, стал на пару дней подопечным Костоправа. Эти два дня он считал худшими в своей жизни. Чего уж говорить: не самый приятный тип в общении их лекарь. Зато врач от бога, в чем уже неоднократно была возможность убедиться. Виктор почитал за большую удачу, что удалось уговорить Костоправа примкнуть к экспедиции. Правда, о том, что пришлось от него выслушать во время вербовки, вспоминать не хотелось...

– Наверное, Кирка уже жалеет, что его до смерти не загрызли, – добавил Стрелец.

Так-так-так... А-Ка, вроде, шутил и улыбался, но по сторонам смотреть не забывал. И не просто смотрел – вертел головой так, что Виктор заподозрил неладное. Да и в глазах начальника обозной охраны особого веселья не видно.

– А-Ка, чего сказать хочешь? – напрямую спросил Виктор. – Ты же не из-за соболяка ко мне подъехал, а?

Свой пачкучий трофей Стрелец мог прицепить и к другой

повозке.

А-Ка кивнул. Склонился в седле. Заговорил негромко:

– Не нравится мне здесь, Золотой.

– Так понятное дело, – фыркнул Виктор. – Кому возле Большого Котла понравится?

– Да не о том я, – поморщился Стрелец. – Тихо что-то после того соболяка стало. Птиц не слышно и не видно, зверья тоже. Словно распугал всех кто. Вот эта тишина мне и не нравится. И то, что мы едем так шумно.

Виктор нахмурился. Тайком с обозом по тряскому тракту вообще-то не прокрадешься. Но А-Ка прав: прикотловой лес какой-то подозрительно тихий.

– Такое чувство у меня, будто следят за нами, – закончил Стрелец. – Ты не думай, Золотой, я не очкую. Просто дурное чую. Что-то похуже соболяков.

Виктор вздохнул. Вообще-то интуиция редко подводила А-Ка.

– И что предлагаешь?

– Остановиться, – сразу, без раздумий ответил Стрелец. – Встать на тракте. Огородиться повозками и быконями. Затаиться, прислушаться. Разведку выслать вперед и назад. Лес осмотреть. Проверить дорогу. Если никого нет – проехать немного. Снова остановиться и снова проверить. Так и передвигаться.

– И далеко мы так уйдем?

– Не далеко. Зато уйдем. А если что стрясется – все рав-

но ведь останавливаться придется. С таким грузом, – А-Кивнул на заваленные товаром повозки, – не убежать. И в походном порядке отбиваться труднее будет.

К-х-х-ряк-х! – раздалось впереди. Левое колесо головной повозки влетело в припорошенную листвой и опавшей хвоей яму. Под натянутой на деревянную основу старой автомобильной покрышкой треснул обод, с хрустом посыпались спицы. Обитое резиной колесо развалилось... Прочная упряжь натянулась струной, заставив тягловых быконей остановиться. Животные непонимающе затрясли крупными головами с костистыми выступами защитных наростов. Повозка сильно накренилась, упершись осью в землю. Сорвался с креплений и откинулся левый борт. На землю посыпался товар. Раненный Кирка каким-то чудом удержался на перекошенной повозке. Лекарь – не смог.

– Твою-у-у-ж-ма-а-а!.. – в сердцах взвыл вывалившийся из телеги Костоправ.

Виктор понял, что происходит, еще прежде, чем все началось. А начиналось нехорошее.

Нападение...

Глава 3

Хватило одного взгляда на злополучную яму. Не случайно, совсем не случайно, она оказалась на их пути. Глубокая, большая, с крутыми стенками. Заботливо прикрытая палой листвой. Быкони, видимо, почувствовали ловушку и обошли ее, но катившаяся за ними широкая повозка влетела-таки!

– В укрытие! – крикнул Виктор, сам хоронясь за бортом автоповозки.

А-Ка тоже сориентировался мгновенно.

– К бою! – соскользнув с седла, Стрелец оказался под прикрытием быконя и автоповозки.

Вскинул «калаш» – их самое грозное и самое ценное оружие.

Остальные обозники тоже изготовились к отражению атаки. Верховая охрана спешила и пряталась за быконами, те, кто сидел в повозках, пригибался за бортами.

На виду остался только...

– Долбанная телега! Долбанная яма! Долбанная дорога! – не слыша никого и ничего вокруг, разорвался Костоправ. Лекарь в сердцах пинал обломки сломанного колеса.

– Костоправ, варежку закрой! – крикнул А-Ка. – Лезь в повозку! Быстро!

Ну, так и есть! Виктор выругался сквозь зубы. Его худшие ожидания оправдались: сразу с двух сторон, из придорож-

ных кустов и из-за деревьев в обоз полетели камни и палки с заостренными концами.

Тук-тук-тук-тук, – сухо застучало по толстым дощатым бортам повозок. Бум! Бум! – дважды ударило в железо автоповозки.

Камни били сильно, словно пущенные из пращи. Острые концы палок-копий блестели от ядовитой смолы сосен-мутантов. Пока не застыла, такая смола при попадании в кровь способна надолго парализовать человека.

В общем-то, можно сказать, им повезло. Невидимый пока неприятель промедлил и дал время укрыться. Почему враг не забросал обоз камнями и копьями сразу? Не рассчитывал, видать, что так быстро раскусят его хитрость. Думал, что народ полезет из повозок – подбирать товар, чинить поврежденную телегу – и подставится. Однако обозники тоже не лыком шиты. Не первый раз в походе.

Упал раненный быконь в упряжке. Несчастное животное не спасли ни толстая защитная попона, ни собственная броня из бляшек ороговевшей кожи: копые попало скотине в глаз.

Увесистый булыжник угодил в голову Костоправу. Сбил шлем, чуть не свалив самого лекаря с ног.

– Твою-у-у!!! – На этот раз вопль Костоправа полнился не досадой и раздражением, а боевой яростью.

Запрыгнув на перекошенную повозку, лекарь рывком поднял тяжелый откидной борт, схватил заряженный арба-

лет и прильнул к бортовой бойнице. Раненный Кирка зашелкнул крепления. С самопалом в руках пристроился рядом «Все в укрытии», – с облегчением подумал Виктор. Это сейчас главное. Потерь в самые опасные первые секунды боя удалось избежать. Правда, только людских потерь.

Рухнул еще один быконь: пущенный с невероятной силой камень повредил ему ногу.

* * *

Виктор держал оружие наготове. В одной руке – короткоствольный пистоль-самопал. В другой – палаш с широким увесистым клинком, которым можно и обычному зверю башку раскроить, и человеку, и мутанту. Правда, кого рубить, пока было непонятно. И куда стрелять – тоже. Подступавшая к обочине зеленая стена леса надежно укрывала нападавших. А те не спешили выбираться на открытое пространство и лезть в рукопашную.

Костоправ не выдержал: матерно ругнувшись, стрельнул из арбалета. Бухнул из самопала Кирка. Попали? Вряд ли. Оба стреляли наугад, больше от нервов, чем по необходимости.

На задней повозке шелкнула тугая тетива тяжелого телесного стреломета. Самострел швырнул в лес целый пучок дротиков, сбивая листья и ветки.

Ага, на этот раз, вроде бы, попали: за деревьями кто-то

пронзительно заверещал.

– Хватит! – крикнул А-Ка. – Без приказа не стрелять! Перезарядить оружие!

Верно. Как ни тяжело сидеть на виду у невидимого противника, но и вслепую бить тоже не стоит. А то ведь потом, когда начнется настоящее дело, не успеешь перезарядить оружие.

Заскрипела тетива многострела.

Крик за деревьями оборвался. Раненый или кончился, или кончили. В смысле – добили. Избавились от обузы-подранка. Из леса снова полетели копья и камни. Один булыжник грохнул по автоповозки. Если бы не крепкая защитная решетка, поставленная вместо давным-давно разбитого лобового стекла, камень угодил бы в лоб Виктору. А так – только прутья погнул.

Кто напал? Разбойники или котловые зеленокожие дикари-мутанты? Вообще-то Виктор предпочел бы столкнуться с первыми, но увы...

Разбойничьи ватаги редко атаковали купеческие обозы, в охране которых имелся хотя бы один Стрелец. Да и так близко от Большого Котла банды не промышляли. Оружие – камни и метательные палки без наконечников – тоже дикарское, не разбойничье. Лиходеи, как правило, имели на вооружении луки с арбалетами, а те, кто побогаче – обзаводились пороховыми самопалами. Иногда, хотя и очень-очень редко, среди разбойников даже встречались Стрельцы. К тому же,

обычная шайка, не добившись победы сразу, с наскока, отступала после первых же потерь. А котловые – те нет. Те – упертые. Или сметут или сами подохнут.

Обстрел неожиданно прекратился.

Отступили? Значит, все-таки разбойники.

Готовятся к атаке? Тогда – дикари.

Виктор ждал. Скоро, очень скоро все прояснится.

– Стрелки! Бьете поверху! Деревья – ваши! Ветки, кроны, мох! – кричал А-Ка. – Пушки – на подлесок! Прямая наводка! Уровень: грудь-живот!

Уровень условный, конечно. Бомбардная картечь выкосит все. Достанет и тех, кто заляжет или попробует подобраться ползком, и тех, кто полезет по нижнему ярусу леса.

– Многострелы – страхуют! – не умолкал Стрелец. – Чтоб ни одна тварь не проскочила!

А-Ка был толковым воякой. Собственно, потому Виктор и поставил его старшим обозной охраны.

Бортовые бомбарды и стрелометы смотрели на лес. Только канонир автоповозки еще ворочал бомбардный ствол на турели, выискивая цель. В руках других канониров появились зажигалки. Дорогие штуки по нынешним времена, но они себя оправдывали.

А-Ка следил за лесом через автоматный прицел.

– Йап-па йап-па йап-па йап-па!!! – донеслось из-за густой листвы.

Дикарский боевой клич! Виктор поморщился. Все, умер-

ла последняя надежда. Сдохла, сердешная! Засаду на тракте устроили зауральские мутанты, а не сибирские разбойники.

– Йап-па йап-па йап-па йап-па!!! – дикари всегда так вопили перед атакой.

– Япона мать! – не очень понятно, почти по-дикарски выругался Костоправ.

– Г-товсь! – басовито проорал А-Ка.

Главное сейчас было не упустить момента, когда мутанты попрут из леса.

А они...

Они уже появились.

– Зеленокожие! – заорал кто-то.

* * *

Стена леса по обе стороны от дороги ожила. Разом. Вся. Снизу доверху.

Котловые дикари атаковали всей толпой сразу.

Голые тела с толстой пятнистой кожей салатного цвета, маскирующей мутантов лучше любого камуфляжа, вываливались из леса и прыгали с нависающих над трактом деревьев. На людей эти существа походили лишь постольку-поскольку. По-обезьяньи вытянутые руки, способные далеко и сильно метать камни и копья, длинные, мускулистые ноги, идеально подходящие для долгих переходов и быстрого бега. Широкие ладони. Цепкие пальцы. Когти вместо обычных

человеческих ногтей. Лица... Вернее, полужверинные морды с массивными челюстями и маленькими глазками. Торчащие над нижней губой клыки. Спутанные жирные космы, похожие на тину. Среди нападавших было несколько самок с отвислыми болтающимися сосками. У каждой – по восемь сосков на груди и животе: котловые дикари жили недолго, но приносили многочисленное потомство.

В повозки опять полетели заостренные палки и камни, но на этот раз большая часть зеленокожих была вооружена узловатыми дубинками из обожженных веток и сучьев камень-дерева. Такое оружие, как и булыжники или копья, обмазанные парализующей смолой, предназначалось не столько для того, чтобы убивать, сколько для того, чтобы глушить, калечить и обездвиживать. Дикарям не нужны были груженые товаром повозки. У зеленокожих другой интерес: они охотятся за живыми пленниками, головы которых можно принести в жертву кровожадным котловым богам. Мутанты вскрывают несчастным черепа и обгладывают кости. На следы таких жертвоприношений иногда наталкивалась порубежная стража.

– Пли-и-и! – не своим голосом прокричал А-Ка.

Звон стрелометных тетив и буханье ручниц потонули в грохоте бомбард.

Ударившие поверху арбалетные болты, стрелы лучников и заряды самопалов сбивали нападавших с крон деревьев и встречали зеленокожих прямо в полете, заставляя тела пры-

гунов нелепо кувыркаться в воздухе. Пушечная картечь и залп многозарядных стрелометов изрядно проредили подлесок и смели первые ряды дикарей, выбегавших на обочину тракта. Тем, кто шел за ними, тоже здорово досталось. Пошибало и мутантов, оказавшихся на нижних ветках.

Замешкался только канонир автоповозки. Он развернул небольшое орудие на турели-лафете влево и заблокировал поворотный механизм массивным запорным клином. Иначе стрелять нельзя: бомбарду попросту снесет с лафета отдачей.

Дикарское копье чиркнуло бомбардира по незащищенному подбородку. Парализующая смоляная обмазка подействовала мгновенно: бедняга захрипел и рухнул, как подкошенный. Виктор тут же занял его место. Ссунув пистоль за пояс, поднял зажигалку канонира и доделал недоделанное. Открыл пороховую полку над бомбардной камерой, щелкнул зажигалкой...

Заготовленный заранее мелкий запальный порох вспыхнул. Пушка грохнула. Дернулся крепежный клин. От отдачи, передавшейся через треногу турели-лафета, содрогнулась вся автоповозка. С полдесятка дикарей как метлой смело. Зеленокожих превратило в красное кровавое месиво.

И тракт, и подступавшие к нему заросли заволакивало плотным дымом, но уже было ясно, что остановить мутантов не удалось.

– Йап-па йап-па йап-па йап-па! – то тут, то там из дыма выскакивали дикари. Израненные, окровавленные, все – злые, свирепые. Сверху тоже прыгнуло несколько мутантов, не попавших под заряды самопалов и стрелы арбалетов. Завязалась рукопашная.

Виктор услышал, как затыкал автомат в руках А-Ка. Стрелец открыл огонь в самый последний момент, когда ждать было уже нельзя, но даже сейчас он расходовал боеприпасы экономно. А-Ка хладнокровно выбивал самых опасных вражеских бойцов. Только ведь на всех одного «калаша» с початым рожком не хватит. И от дымящихся стволов бомбард толку уже не будет. И стрелометы не перезарядить...

– Йап-па йап-па йап-па йап-па! – двое зеленокожих возникли по обе стороны от автоповозки.

Первый набросился на машину. Бум! Тяжелая дубинка обрушилась на правый борт. Палица оставила приличную отметину. От следующего удара сломался замок передней двери. Дверь распахнулась.

Второй дикарь, тоже вооруженный дубинкой, уже карабкался через левый бортовой щит, намереваясь забраться внутрь. Только сделать это ему было не суждено. Когда голова зеленокожего появилось над бортом, Виктор направил

на нее пистоль. Щелчок спускового крючка. Кремневый отщеп, зажатый в маленьких тисочках высек искру. Выстрел почти в упор...

Оскаленную морду зеленокожего вмяло в череп. Голова дернулась назад с такой силой, что, наверное, и шейные позвонки не остались целыми. Тело сбросило с автоповозки так, что в какой-то момент мелькнувшие в воздухе грязные босые ноги оказались выше разбитой головы мутанта.

Виктор увернулся от дубинки дикаря, лезущего через распахнутую дверь. Хрясь! Палица противника застряла между стойками турели-лафета. Купец рубанул палашом по руке, сжимавшей дубинку. Отсеченная кисть осталась в автоповозке, а искалеченный зеленокожий с воем соскользнул под колеса. Впрочем, его место сразу же занял другой дикарь. На этот раз – с копьем в руках. Мутант попытался достать Виктора. Ан не вышло! Виктор отбил пистолем острие, обмазанное парализующей смолой, взмахнул палашом и вогнал лезвие в череп дикаря по самую пасть.

А из леса выбегали все новые и новые зеленокожие. «Да откуда ж их столько-то?» – ужаснулся Виктор, срубая очередного противника. Наемники, оборонявшие автоповозку вместе с ним, отбивались умело и яростно. Но не всем везло, как ему. Дубинки и парализующие копыя нападавших свалили одного, второго, третьего... К упавшим обозникам тянулись когтистые руки зеленокожих. Виктор рубил их, как ветки.

На капот автоповозки, вскочила визжащая дикарка. Два ее верхних соска были оторваны картечью, еще один болтался на лоскутке кожи. Тело мутантки сочилося кровью, однако это не мешало ей ловко орудовать увесистой дубинкой. Зеленокожая мегера оглушила возницу. Да и сам Виктор едва успел подставить палаш под удар и отвести палицу, целившую ему в голову. А отведя...

– Подвиньтесь, дама! – нанес быстрый и точный удар тяжелой рукоятью пистоля промеж маленьких, горящих ненавистью глазок.

Дикарка заткнулась и слетела с повозки.

А Виктор вдруг понял, что больше не слышит автоматных выстрелов.

К счастью, зеленокожие на время отхлынули от автоповозки, и появилась возможность оглядеться.

* * *

– Не пускать их на повозки! – А-Ка снова сидел в седле и, вертясь волчком, разил врага сверху длинным мечом. – Прикрывать друг друга! Верховые! К повозкам! К повозкам жмитесь! Не удаляться!

Из седельной сумки наемника торчал автоматный приклад. Плохо. Если Стрелец взялся за меч – дело совсем плохо.

«Значит, кончились патроны», – с тоской подумал Вик-

тор.

Правда, и с холодным оружием А-Ка обращаться умел. Меч Стрельца разил зеленокожих, почти не натываясь на вражеские дубинки. Срубленные руки и головы дикарей летели во все стороны. Быконь, специально натасканный на рукопашные схватки, помогал наезднику: тяжелые копыта сбивали мутантов с ног и втапывали в палую листву.

Но вот чья-то палица обрушилась на голову быконя. Еще одна дубинка перебила ему ногу. Животное упало. А-Ка, не выпуская меча, закатился под автоповозку, и выскочил с другой стороны. Прижавшись к борту, Стрелец продолжил бой там.

На застрывшей повозке – тоже мясорубка полным ходом. Костоправ – без шлема, со взмокшими вострепанными волосами и жутким лицом – матерясь на весь лес, раскручивал кистень. Шипастая гирия на длинной цепочке мелькала так, что и не уследишь. Поистине страшное оружие, если умеешь с ним обращаться. А Костоправ владел кистенем виртуозно. Обозный лекарь мог не только врачевать, но и калечить. Чем сейчас и занимался.

Подступавших к повозке дикарей Костоправ сбивал с одного удара. Виктору показалось, будто он слышит, как трещат, попадая под кистень, черепа и кости зеленокожих. Своим оружием Костоправ умудрялся даже сшибать в полете брошенные в него копья. Лекарь не только отбивался сам, но и прикрывал раненого. Впрочем, Кирка тоже времени даром

не терял. Морщась от боли в прокушенном плече, он перезаряжал самопал-гаковницу...

Нет! Уже перезарядил!

Короткая, толстая, чуть расширяющаяся к концу трубка на массивном деревянном ложе легла на перекошенный борт повозки. Железный крюк зацепился за толстый край доски. Так удобнее гасить чудовищную отдачу. Обычного приклада тут недостаточно: тяжелый самопал при выстреле мог сломать ключицу. Да и вообще раненому сподручнее стрелять с упорного крюка.

Костоправ уже крыл матом не только зеленокожих уро-дов, прущих из леса. Кирке, возившемся под ногами и мешавшему лекарю выделявать кистенем хитрые петли и восьмерки, тоже доставалось по полной программе. Раненый мог случайно попасть под гирьку. А мог и не случайно. На миг Виктору показалось, будто Костоправ в порыве гнева готов хрястнуть непоседливого пациента по затылку.

Кирка, впрочем, внимания на ругань не обращал. То ли успел приобрести стойкий иммунитет к брани лекаря, то ли спешил заглушить ее выстрелом из самопала. Раненый наемник нажал на спуск кремниевого замка и... – бу-у-ух! – пальнул-таки.

Сразу трех зеленокожих швырнуло на землю. Кистень Костоправа сбил четвертого – вцепившегося в дымящуюся ручницу. Тем временем А-Ка срубил еще двух дикарей, а Виктор снес палашем полчерепушки особо настырному му-

танту, пытавшемуся влезть в автоповозку.

Именно в этот момент откуда-то сбоку обрушился удар вражеской дубинки. Подкравшийся с фланга зеленокожий сбил с Виктора шлем и тут же шарахнул снова. Купец успел лишь повернуться к нападающему – ни защититься, ни уклониться времени уже не хватило. Перед глазами мелькнула темная палица из обожженного камень-дерева.

Голова взорвалась. Яркая слепящая вспышка и...

И свет померк.

Глава 4

– Ну что, купчина, очухался?

Виктор с трудом разлепил глаза. Над ним нависало угрюмое лицо Костоправа.

– А не хрен было подставляться по-глупому под дубину. Сам, мля, виноват. Да не кривись ты так! Хряснули тебя не сильно: убивать не собирались. А что в лес не утащили – так Стрельцу спасибо скажи. Это он тебя, дурня, у зеленорылых отбил.

Обозный лекарь был деликатен, приветлив и ласков, как всегда. К счастью, долго общаться с ним не пришлось: Костоправа подвинул плечом А-Ка.

– Как ты, Золотой?

Виктор покачал гудящей головой. Не о себе он хотел сейчас говорить.

– Потери есть?

А-Ка помрачнел. Ясно...

– Скольких потеряли? – поморщился Виктор.

– Спроси лучше, сколько осталось.

– Ну и сколько же? – сердце сжалось от нехорошего предчувствия.

– Ты, я, Костоправ, да Кирка, которого лекарь прикрывал.

– А остальные? – Виктор ужаснулся.

– В лес остальных уволокли, – А-Ка отвернулся. – Мы еле

отбились. И то, думаю, потому, что у зеленокожих рук на всех уже не хватало.

Виктор не поверил. Приподнялся, выглянул из автоповозки, в которой лежал.

Так и есть! Обоз не тронут. Зеленокожие – не разбойники, им купеческое добро без надобности. Они людей отлавливают для своих жертвоприношений. А вот людей-то, как и сказал А-Ка, всего четыре человека осталось. Из них – один раненный: Кирка. Да один оглушенный и в себя еще не до конца пришедший: сам хозяин обоза.

На тракте лежали несколько покалеченных и убитых быконей. Плюс десятков семь зеленокожих. А то и все восемь... Раненых среди дикарей не видно. Надо полагать, А-Ка и Костоправ уже постарались. Добили...

– Слишком много гадов было, – продолжал Стрелец, цедя слова сквозь зубы. – наших хватали и сразу тащили в лес. Своих бросали... Ну, как всегда.

Да, именно так всегда и было. Дикари добывали жертвенных пленников, не считаясь с собственными потерями и не заморачиваясь на похороны павших сородичей.

– Только я никогда не видел столько зеленокожих сразу, – закончил А-Ка.

– Надо наших найти, – пробормотал Виктор. – Отбить пленных...

– Очумел?! – Костоправ покрутил пальцем у виска. – Тебе что, последние мозги вышибли, на хрен?

– За Хребет хочешь идти, купец? – нахмурился А-Ка. – В Котел?

– Хочу, – ответил Виктор.

– А далеко ли уйдешь, дурила? – Костоправ выразительно стукнул себя по лбу. – И много ли там, за Хребтом, найдешь? И долго ли проживешь?

Виктор упрямо молчал.

– Не получится, Золотой, – покачал головой А-Ка. – Повозки по лесу не пройдут.

– Оставим повозки здесь. Спрячем у тракта. Ничего с товаром не случится.

– Кирку тоже оставим и спрячем?

Виктор сник. В самом деле, у них раненный. А с ним быстро передвигаться не получится.

– Да и не догоним мы уже зеленокожих, – вздохнул А-Ка. – Они и по лесам бегают, как быкони, и прикотловые территории знают лучше нас. А Котел – так и вовсе их дом родной.

– А нас там первая же мутантистая тварь сожрет, – угрюмо добавил лекарь. – И даже если выследим дикарей – пленных все равно не отобьем. Мало нас.

Конечно, А-Ка и Костоправ были кругом правы. Уходить с тракта и соваться в прикотловой лес – чистой воды самоубийство. Здесь за каждым деревом может поджидать в засаде зеленокожий, которого не заметишь, пока не получишь дубинкой по голове. И помимо дикарей опасностей хватает.

А уж что в Большом Котле твориться – об этом лучше не думать.

– В Приуральск ехать надо, – вновь заговорил А-Ка. – Если доберемся – поднимем дружину, соберем повольников. Может быть, еще и удастся перехватить дикарей.

Это были лишь слова утешения. И Виктор, и А-Ка прекрасно понимали: отловить в прикотловых лесах зеленокожих практически нереально. А когда они уйдут к себе за Хребет – то и без всяких там «практически». Нереально – и все тут.

* * *

Сломанную повозку и часть товара пришлось бросить. Чинить – долго и шумно, задерживаться на месте недавнего боя – опасно: зеленокожие могли не удовлетвориться захваченной добычей и вернуться за новыми жертвами для своих богов. Да и уцелевших быконей хватило лишь для того, чтобы составить две полноценные упряжки. Даже для верховой езды скотины уже не оставалось.

Ехали молча. Виктор и А-Ка расположились в автоповозке, Костоправ с раненым Киркой – в телеге, двигавшейся следом. Вот и весь обоз.

Скверно, очень скверно... Виктор переживал из-за каждого человека, которому уже не суждено было вернуться домой. Ведь именно он организовывал этот поход. Он наби-

рал команду, убеждал, уговаривал, сулил хорошую плату за службу. И люди шли за ним, полностью ему доверившись. И вот, пожалуйста... Сам он жив, а почти все его обозники либо мертвы, либо скоро примут смерть на жертвенном алтаре зеленокожих.

Разумом Виктор понимал: в том, что произошло, нет его вины, даже косвенной. Ничего он не мог сделать, чтобы предотвратить случившееся. Да и никто бы не смог на его месте. Наемники, отправлявшиеся в экспедицию, знали, куда и на что идут. Никому Виктор не обещал безопасного пути и не гарантировал возвращения. Наоборот, честно предупреждал спутников о том, что ждет обоз в пути. И люди, принимавшие предложение купца, шли на риск по своей воле и своему разумению. Эта была их работа, и их выбор.

Да, все это Виктор понимал. Только понимание сейчас помогало мало. На душе было – паршивей некуда. Идущих за тобой и с тобой людей всегда терять тяжело. Тяжелее, чем самый ценный товар. И хотя людские потери в опасной торговле были делом обычным, привыкнуть к этому Виктор никак не мог.

– Рожок пуст, – негромкий голос А-Ка отвлек от невеселых дум и заставил вернуться к такой же безрадостной действительности. – Патроны того... тью-тью. Все расстрелял. Стрелец с тоской смотрел на автомат, проку от которого теперь было меньше, чем от обычного меча.

– Если опять навалятся зеленокожие, трудно будет от-

биться. — посетовал он.

Трудно, кто ж спорит. Но, по крайней мере, свои патроны Стрелец израсходовал не впустую. А-Ка положил автоматным огнем как минимум два десятка дикарей. Причем, выбил наиболее опасных противников.

Виктор вздохнул. Автомат был самым грозным их оружием. А без боеприпасов — самым бесполезным.

— В Приуральске патроны компенсирую, — пообещал купец. — Если доберемся.

И если торговля будет удачная. И если на базаре будут боеприпасы на продажу... Порубежникам тоже ведь патроны нужны. И патроны, и старое оружие. А с этим сейчас беда. И с каждым годом становится только хуже.

* * *

Большая часть военных складов была уничтожена во время Бойни. А если что и осталось на территории Котлов, где раньше располагались крупные города и военные базы, так кто ж туда полезет?

Некоторые совсем уж отчаянные головы, правда, еще ходили в малые Котлы на промысел, но возвращались оттуда единицы и приносили с собой — так... кошкины слезы. Если вообще что-нибудь приносили. Чтобы найти что-то стоящее, надо хотя бы знать, где искать. И еще надо, чтобы тебя самого не искали котловые мутанты. А их там — кишмя кишит,

так что каждый добытый в Котле патрон обходится большой кровью.

Невыгодно, в общем. Бессмысленно.

И это еще великая удача, что к тому времени, как радиация и прочая зараза перестали убивать все живое, а скрывавшиеся под землей мутанты, полезли из своих нор на поверхность, человекообразные обитатели Большого Котла одичали уже настолько, что забыли, как пользоваться благами погибшей цивилизации. В том числе и старым оружием. Если его, конечно, можно отнести к благам.

Деградивовавшие зеленокожие, длительное время изолированные от внешнего мира и жившие в подземных убежищах разрозненными кланами, начинали свое развитие заново. Так что если кто-то из них и находил автомат, то в глазах дикаря эта корявая железка значительно уступала выжженной на огне боевой палице из камень-дерева. А если зеленокожие видели автомат в действии, как сегодня, к примеру, то постичь принцип этого самого действия пока было выше дикарского разума. Зеленокожие не могли освоить даже примитивных самопалов. Опять-таки – пока...

Как оно будет дальше, никто не знает, но в настоящее время пользоваться оружием опаснее дубинки или заостренной палки дикари, слава Богу, не умели. Правда, они приобрели взамен другое оружие: необычайную плодовитость и убийственную, порой даже самоубийственную агрессивность, подкрепленную кровавыми культами неведомых кот-

ловых богов.

И все-таки это было лучше, чем толпы зеленокожих выродков, наступающих с автоматами наперевес.

Виктору даже стало немного не по себе, когда он представил такую картину. Если в один далеко не прекрасный день из Большого Котла действительно выйдут хорошо вооруженные кланы двуногих мутантов, Сибирское княжество не устоит. Зеленокожие попросту сметут сибиряков, да и не только их. Хомо сапиенс окончательно уйдет в прошлое. Наступит время новой расы. Не только Котлы – вся планета станет Терра мутантика.

А может, оно и к лучшему? Может, хватит трепыхаться экс-царю природы, бездарно профукавшему свой мир? Может, пора уступить место другому временному царьку – зеленому человечку из Большого Котла?

Б-р-р! На фиг – на фиг – на фиг! Виктор потрянул головой. Ну и мысли приходят в голову, когда на душе кошки скребут. Не-е, так дело не пойдет. Раскисать нельзя. Нужно держать себя в руках и вести обоз дальше. Хомо сапиенс еще поднимется с колен и пинками загонит всю мутантистую нечисть обратно в Котлы. А когда-нибудь – даст Бог – раздавит там тварей и вернет контроль над планетой. Вот только бы... Только бы вооружиться ему как следует.

Виктор снова покосился на автомат Стрельца.

Те невеликие запасы старого оружия, которые удалось отыскать вне Котлов, со временем приходили в негодность,

а боеприпасы расходовались слишком быстро. Сначала – на борьбу друг с другом за скудные ресурсы. «Сапиенс» даже после Бойни не поумнел настолько, чтобы прекратить истреблять себеподобных. Для многих и сейчас проще убить ближнего, чем договориться с ним.

Правда, когда из Большого зауральского Котла и Котлов поменьше поперло всякое, договариваться все же пришлось. Грызшиеся между собой лесные сибирские князьки объединились под Великим Князем. Но вот пополнить истощившиеся арсеналы оказалось, увы, нечем. Оно и понятно: старые оружейные заводы разгромлены, необходимая инфраструктура и почти вся сырьевая база – уничтожены, а наладить новое производство у выживших кишка была тонка. Не хватало опыта, специалистов, техники, и просто рабочих рук. Да что там говорить о производстве оружия, если даже Стрельцов, обученных владеть древними стволами, становится все меньше и меньше.

В итоге, максимум на что оказались способны выпавшие из гнезда цивилизации «сапиенсы» – так это возродить примитивную металлургию, запустить нехитрое (уголь, сера, селитра – что тут сложного?) производство пороха и начать кустарную нефтеперегонку на скважинах, которые во время Бойни враг то ли не успел уничтожить, то ли оставил в надежде на победу.

Плохонькое, некачественно очищенное топливо шло на заправку работающих еще машин, которые, впрочем, быст-

ро ломались и уже навсегда выходили из строя, не выдерживая конкуренции со старым добрым гужевым транспортом. Недостаток автоматов и пулеметов восполнялся мечами, арбалетами, бомбардами и самопалами.

По большому счету, люди, уцелевшие вне Котлов, тоже деградировали, как и котловые мутанты. Просто назад по эволюционной лестнице их отбросило не так далеко. Не совсем уж в каменный век, а куда-то в средневековье. Пусть новое, пусть малость продвинутое, но все же средневековье. А как иначе все это назвать? Защищенные крепостными стенами поселения и городки. Натуральное хозяйство. Опасные дороги. Князья, дружинники. Мечи, сабли, луки со стрелами, пугачи-самопалы...

Преимущество перед зеленокожими было только одно. Если котловые дикари вылезли из своих нор такими троглодитами с напрочь отшибленной памятью, то остатки человечества сохранили некоторые знания и умения из прошлой жизни. «Сапиенсы» даже использовали полезные «артефакты» сгинувшей в самоубийственной Бойне цивилизации. «Артефакты», правда, дорабатывающие свой век и, зачастую, не поддающиеся починке.

Виктор глянул на автоповозку. Тоже ведь не вечная: долго не протянет.

Ну и что получается? Те, кто выжил вне Котлов, оказались в бо-о-ольшой заднице. Окружающая их задница немного освещена воспоминаниями о былом. Но с другой стороны...

Может быть, им тоже стоило забыть все? Не было бы тогда этой жгучей горечи, которая возникает всякий раз при мысли о том, как люди жили раньше, и как они живут теперь. Все-таки начинать свой путь в блаженном неведении, с чистого листа проще, чем с тяжким грузом памяти. Пусть не своей, пусть памяти предыдущих поколений, которые так и не сумели забыть о Бойне и о том, чего она лишила их самих и их потомков...

* * *

– Хорошо дрался сегодня, купец, – вновь заговорил А-Ка. Виктор промолчал.

– Слышь, Золотой! Я вот все понять не могу, зачем ты вообще в торговлю подался?

Хороший вопрос. Виктор и сам часто думал над этим, и ответа не находил. Нельзя сказать, чтобы он получал удовольствие от торговли, как таковой. А ведь для других купцов Сибирской гильдии она было сродни наркотику.

– Из тебя бы отличный вояка вышел, – продолжал Стрелец.

– Ты вон у нас потомственный вояка, – отмахнулся Виктор. – Этого хватит.

– Я – другое дело. И именно потому, что потомственный. Меня отец еще с малолетства, как мать умерла, только А-Ка и называл. – Стрелец улыбнулся, что-то вспоминая. – Батя

всегда считал старый добрый «калаш» лучшим оружием, ну и меня в честь него перенарек. Типа, ласкательно. Теперь я свое настоящее имя и как имя-то не воспринимаю.

– Хороший у тебя отец был, – Виктор тоже улыбнулся. – Стрелец, наверное, плохим отцом быть и не может.

А-Ка все же отвлек его от тягостных мыслей и разговорил, за что Виктор был благодарен спутнику. Сейчас – тот редкий случай, когда говорить лучше, чем думать.

– Отец-то хороший, детство – не очень, – вздохнул вдруг А-Ка.

– Что так? – удивился Виктор. – Любой пацан обзавидовался бы сыну Стрельца.

– А ты знаешь, как Стрельцы своих детей воспитывают? Я с пеленок вместо погремушек игрался деталями от негодных «калашей». Их всегда было полно в доме. Потом картинки пошли, плакаты всякие со старым оружием. Грамоте тоже обучался по оружейным книгам и альбомам. Отец это добро очень любил и собирал. А еще по дешевке скупал «убитые» стволы, чтобы я с ними возился уже в сознательном возрасте. Ну, я и возился, потому что ничего иного не предлагалось и не поощрялось. Когда прочая детвора в салочки гоняла, я уже разбирал-собирал пистолеты, автоматы и пулеметы не хуже взрослых Стрельцов. На патроны отец тоже не скупился. Половину заработка тратил, чтобы меня стрелять научить. Часто водил к друзьям-Стрельцам, те тоже показывали, как с оружием обращаться. У него были хорошие

друзья. Ну а потом... – А-Ка замолчал.

– Что потом? – спросил Виктор.

– Стрельцы нанялись сопроводить обоз до котлового приграничья. Батя из похода не вернулся. Отцовы друзья принесли домой его автомат. АК... – наемник невесело усмехнулся.

Виктор покосился на его оружие.

– Так ты до сих пор с отцовским автоматом воюешь?

– Нет, конечно. Это уже мой третий «калаш». Похуже первых двух будет, но еще послужит. А вообще к чему я это веду-то? К тому, что меня с детства в Стрельцы готовили, и сам я другой судьбы для себя не представлял. Ну а ты, Золотой? Каким ветром тебя в купцы занесло?

Виктор пожал плечами:

– Сперва водил чужие обозы, – заработал немного, вступил в Гильдию. Теперь сам торгую.

– Да это-то я все знаю, – поморщился А-Ка. – И спрашиваю не о том. Сдается мне, что к воинской науке у тебя душа больше лежит, чем к торговле. Почему тогда не стал княжеским дружинником или наемником? Или разбойником на худой конец?

– Подчиняться не люблю, – подумав немного, ответил Виктор. – Наверное, в этом причина. – И пояснил: – Над дружинником стоят князь и воевода. Над наемником – наниматель. Над разбойником – главарь-атаман.

– Насчет воеводы, князя и нанимателя ты прав, конечно,

но уж в атаманы мог бы и сам пробиться.

Виктор покачал головой:

– Разбойный люд – народец без будущего. Не княжьи люди, так зеленокожие или другие твари их рано или поздно, но отправят к праотцам. Да и душегубствовать не хочется. Не мое это. Хочу сам себе хозяином быть. Поэтому и торгую.

– Хозяином, оно, конечно, быть хорошо, – согласился Стрелец. – Но тяжело, когда впереди – котловые мутанты, а позади – долговая яма. По мне, так лучше послужить за хорошую плату хорошему нанимателю. Вроде тебя, вон.

В словах А-Ка не было лести. Стрелец вообще не умел льстить. Он, как и Костоправ, говорил только то, что думал. Правда, в отличие от лекаря, мог и промолчать, если нужно. Но врать и льстить не стал бы никогда и никому.

Виктор вздохнул:

– Тут ведь такое дело, А-Ка... Пока служишь хорошему нанимателю – все прекрасно, но рано или поздно любая служба заканчивается. А кушать хочется. А наемников вокруг много. Так что волей-неволей приходится, порой, слушать и плохому хозяину. Разве не так?

На этот раз А-Ка ничего не ответил.

– Уж лучше я как-нибудь покручусь между долговой ямой и мутантами, – закончил Виктор.

Глава 5

Что случилась беда, стало ясно, как только повозки вышли из леса на открытое пространство. Обоз остановился.

– Ёо-о-оперный бабай! – пророкотал басок Костоправа. Лекарь как всегда не стеснялся выражать свои чувства.

Южного Приуральска не было. Вернее, было лишь то, что от него осталось. А осталось от города немногое.

Впереди виднелись ров, оборонительный вал с частоколами и бревенчатая стена: закопченная, обугленная, во многих местах обвалившаяся. Кое-где над стеной, словно гнилые зубы во рту старухи, торчали полуразрушенные и покосившиеся деревянные башни. Между двумя башнями располагались ворота. Одна воротная створка – перекошенная и обгоревшая, едва держались на петлях, вторая лежала на черной земле.

За стеной сквозь проломы виднелось пепелище. Практически все стоявшие на огороженной территории (селиться снаружи здесь ни у кого бы и мысли не возникло) постройки выгорели подчистую. В некоторых местах еще поднимались к небу слабые дымки. Перед крепостью, в заболоченном рву, на валах и частоколах, не тронутых огнем, валялись трупы. Много трупов. Растерзанные хищниками и падальщиками останки зеленокожих дикарей, которых сейчас распознать было проще не по цвету кожи, а по особенно-

стям скелета, отличавшегося от человеческого. Ветер, подувший со стороны города, принес тошнотворный запах разлагающихся тел.

Бой здесь шел нешуточный. Судя по всему, Приуральск штурмовали сразу несколько дикарских кланов. Но то, что кругом валяются трупы котловых мутантов, вовсе не значит, что победили люди. Зеленокожие просто не хоронят своих. Не имеют такой привычки.

Над городом висела зловещая, пропахшая гарью и тухлятиной тишина. Приуральск был мертв. Дикари, наверняка, сожрали убитых, а пленных угнали в Котел для жертвоприношений. Мощные укрепления в этот раз не спасли город. Впрочем, от мутантов берегут не стены, а их защитники. И хорошее оружие.

Наверное, чего-то Приуральску не хватило. Либо первого, либо второго.

Виктор заметил движение. Человек? Зеленокожий дикар? Нет, на частокол тяжело взлетела крупная – размером с пару соболяков – черная птица. Всеядный вран – хищник и падальщик в одном лице. Доминирующий вид среди пернатых котловых мутантов. Такие часто прилетают из-за Хребта. Вран, судя по всему, жрал мертвечину, а вышедшие из леса люди ему помешали.

– Каух! – разнесся далеко вокруг возмущенный крик птицы.

И тут же, словно эхо отозвалось со всех сторон:

– Каух! Каух! Каух!

Неприятный клекочущий звук резанул по ушам. Еще несколько вранов поднялись на стены, башни и частокол. С полдюжины птиц закружились над крепостью и обозом, словно давая понять, что отныне это их владения и чужакам сюда дороги нет.

Виктор заволновался. В лесу, пока обоз шел по тракту, прикрытому деревьями и кроновыми мхами, врановые стаи не представляли большой опасности. Но здесь им, конечно, раздолье.

– Каух! Каух! Каух! – крики крылатых тварей становились все более громкими и угрожающими.

Видимо, не все враны успели насытиться. Их трапезу прервали, и теперь птицы проявляли недовольство. Стая, правда, была не очень большая, но и она запросто могла напасть. Черные котловые птахи – создания злобные и агрессивные, да и живое мясо враны все-таки любят больше чем падаль. Следовало быть настороже.

– Отходим к лесу! – крикнул Виктор.

Однако укрыться за деревьями они не успели.

* * *

Из-за городской стены в воздух вдруг разом поднялись пара десятков новых птиц, привлеченных криками сородичей. Вранов оказалось больше, чем предполагали обозники.

Громко выматерился Костоправ. Виктор тоже добавил от себя пару ласковых.

А-Ка прицельным рычагом поднял до упора многозарядный стреломет на корме автоповозки.

— Мать вашу в пух и перья, летуны долбанные! — орал со своей повозки Костоправ, раскладывая перед собой заряженные арбалеты и самопалы. — Клювом в зад вас всех, враново отродье!

— Каух! Каух! — несло в ответ.

От стаи оторвались и ринулись вниз первые черные комья.

То ли враны решили, что люди покушаются на их законную добычу, то ли надеялись пополнить запасы этой самой добычи впрок. А может быть, набросились на обоз просто так, от бессмысленной природной злобы, которой отличаются котловые мутанты.

Звякнула тетива стреломета. Бухнул тяжелый самопал-гаковница. Стрелы перебили крылья двум птицам и без видимых последствий скользнули по плотному оперению третьей. Заряд картечи попал еще одной твари в голову. Та перекувыркнулась в воздухе и тяжело рухнула на землю.

Виктор навскидку выстрелил из пистоля. Без толку. Или промазал, или пистольная картечь не смогла пробить перьевую броню. Ушел в белый свет, как в копеечку, арбалетный болт, выпущенный Киркой.

Стая отпрянула было, но уже в следующую секунду атаковала снова.

Бум! Удар мощного клюва и сильных лап в борт, едва не опрокинул автопоповозку.

Упал быконь, впряженный в повозку Костоправа. Защитная попона уберегла животное от агрессивной птицы, но быконь запутался в упряжных ремнях и не смог быстро подняться. Со второй попытки вран острыми, как ножи, когтями вспорол скотине уязвимое брюхо и сразу же потянул клювом потроха из раны.

– Ах, ты ж сука! – взревел лекарь.

Раскрученная гирька на конце длинной цепи достала птицу. Шипастый кистень угодил во враний глаз. Крылатая тварь дернула головой, издала хриплый клекот и, колотя крыльями по земле, попыталась отползти в сторону. Вторым ударом Костоправ добил тварь.

– Золотой! – закричал А-Ка, отмахиваясь от пернатых мутантов мечом. – Бомбарда!

Длинный клинок Стрельца сломал крыло одной птице, отбросил вторую...

Виктор уже стоял у орудия. Чем хорош турель-лафет – так это тем, что установленную на него бомбарду, в отличие от бортовых тележных орудий, можно вертеть во все стороны и задирать вверх.

Впрочем, сейчас сильно задирать не пришлось: враны метались над самыми повозками. Здоровенные такие орудия мишени. Хоть и летающие, но не очень маневренные. По таким «воробьям» бить из пушки – самое милое дело.

Виктор чуть приподнял ствол, чтоб не задеть ненароком обозников и быконей. Зафиксировал крепежным штырем. Щелкнул канонирской зажигалкой. Ба-бах! Автоповозка вздрогнула от неслабой отдачи. Как всегда.

Заряд крупной картечи вошел в самую гущу тварей. В стороны полетели перья, кровь, оторванные крылья, лапы и головы. Сразу с полдюжины черных измочаленных тушек грохнулись на землю. Две раненные птицы забились между повозками, поднимая пыль и кропя все вокруг кровавыми брызгами.

Остальные враны разлетелись. Но ненадолго. Не дав возможности перезарядить оружие, птицы вновь накинулись на повозки.

Вскрикнул Кирка. Оглянувшись, Виктор увидел, как сразу две крылатые твари сдернули раненого с повозки. Костоправ с ревом бросился на помощь, но в этот раз опоздал. Мелькнувший в воздухе кистень зацепился за стреломет, запутался... Еще один вскрик Кирки – и враны разорвали человека прямо в воздухе. Бедняга, избежавший смерти от клыков соболяка, принял ее от врановских когтей.

Виктор скрежетнул зубами. Он потерял еще одного человека!

Впрочем, надолго ли им самим суждено пережить Кирку? Птицы атаковали снова. Все разом.

«А ведь не отобьемся, – вдруг отчетливо понял купец. – Уже – никак!» Смерть хлопала над головой черными кры-

льями и противно орала в ухо.

А потом сквозь враний ор пробился другой звук.

Выстрелы? Точно! Одиночные. Далекие. Неужели винтовка? Виктор удивленно завертел головой.

– Снайперка! – опознал оружие А-Ка, сам ошарашенный до крайней степени. – СВД!

Действительно, стрелял, судя по всему, снайпер. Редко, но метко: каждый выстрел сбивал одну из кружащихся над обозом тварей. А то и по две сразу.

Всего прозвучало пять выстрелов. На землю свалилось семь вранов.

Этого оказалось достаточно. То ли стая понесла критические потери, то ли сметливые птицы сообразили, насколько опасен новый невидимый враг, безнаказанно выбивающий их по очереди. С возмущенным «каух!», словно проклиная людей, враны взмыли вверх и скрылись за лесом.

* * *

Ну и что это было?

Виктор поднялся над автоповозкой, всматриваясь в ту сторону, откуда, как ему показалось, звучали выстрелы. И точно – в подлеске замаячили несколько всадников и какой-то человек, ведущий оседланного быконя в поводу. В руках у спешившегося незнакомца была длинноствольная вин-

товка.

Стоп, а вон там что за группка выезжает из леса? И там тоже. И еще. И опять...

Неизвестные наездники появлялись отовсюду сразу, окружали повозки и уверенно сжимали кольцо. От леса сибиряков уже отрезали. Небольшой отряд перекрыл путь и к стогревшему городу.

Час от часу не легче! Виктор начинал жалеть, что враны улетели. Может быть, все-таки предпочтительнее было иметь дело с ними? От черных котловых птиц хотя бы знаешь, чего ожидать. А вот эти... Кто они? Чего хотят?

– Перезаряжайте бомбарды и самопалы! – послышался голос А-Ка. – И из-за бортов лучше не высовывайтесь.

Таково неписанное правило прикотловых территорий: если не знаешь, кто к тебе приближается, – готовься к драке. Целее будешь.

Впрочем, загадочные всадники – а их выезжало из леса все больше и больше – нападать не спешили. Кружили в отдалении, но не приближались. И враждебных намерений пока, вроде, не проявляли.

Наездники сидели на невысоких степных быконях и были вооружены луками, копьями и саблями. Как минимум, у одного имелся автомат. Двое были с ружьями. Ну и тот, с винтовкой. Который, кстати, тоже уже впрыгнул в седло.

Еще один всадник держал длинный шест с перекладиной и болтающимися хвостами быконей.

– А-Ка, – позвал Виктор Стрельца. – Это то, о чем я подумал?

Тот кивнул:

– Да, похоже, ордынцы пожаловали.

– Но откуда они здесь?

А-Ка неопределенно пожал плечами:

– Граница рядом. И не только с Большим Котлом.

Южная граница Великого княжества Сибирского действительно проходила неподалеку от Приуралья. Владения Орды начинались на расстоянии дневного перехода от сгоревшего города.

И все же странно. Орда, занимавшая необъятные, практически не пострадавшие во время Бойни монгольские и восточно-казахские степи, а также южную Сибирь и северные китайские провинции, считалась союзником Сибирского княжества. Пусть формальным, пусть не очень надежным, но делить сибирякам и ордынцам на самом деле было нечего.

Степные кочевники, тем более в таком количестве, крайне редко забирались в сибирские леса. Они вообще лесов не любили. В особенности прикотловых. От Большого Котла ордынцы старались держаться подальше и обычно кочевали сильно восточнее Южного Урала. В Приуральск из Степи приходили только хорошо охраняемые купеческие караваны. Но эти-то всадники явно не купцы.

Так что же случилось? Неужели набег? Неужели война с Ордой? В душу Виктора закралось сомнение. А что, если

Приуральск сожгли вовсе не зеленокожие дикари?

* * *

– Приготовиться к бою! – негромко приказал Виктор.

Вообще-то особого смысла в этом не было: степняков – больше и вооружены они лучше. Им даже не нужно приближаться. Если захотят – расстреляют обозников с безопасного расстояния, как вранов. Бомбарды, самопалы, арбалеты и многозарядные стрелометы – все это было рассчитано на ближний лесной бой. А «калаш» Стрельца сейчас, увы, бесполезен.

Однако ордынцы не стреляли. К сибирякам направился всадник. Один. Тот самый, с винтовкой.

Парламентер? А похоже на то.

– Не стрелять! – велел Виктор.

Костоправ пробурчал что-то нелicenseприятное в адрес всей Орды вообще и приближающегося кочевника в частности. Виктор недовольно покосился на лекаря:

– Костоправ, ты бы попридержал язык, пока я с ним говорить буду, а? А то ляпнешь чего...

Обиженный лекарь еще что-то буркнул и отвернулся.

И ладно! Лишь бы в беседу не вмешивался.

А-Ка демонстративно взял в руки «калаш». «Правильно», – мысленно одобрил Виктор. Патронов в автомате нет, но ведь степняки об этом знать наверняка не могут. Так что

тоже пусть поострегутся лезть на рожон.

Глава 6

Ордынский Стрелец-снайпер подъехал к повозкам и натянул звякнувший бляхами повод. Крепкий, приземистый быконь, с густой гривой, сильными ногами и толстыми косяными наростами, покрывающими все тело, шею и голову, фыркал и рыл копытом землю. Дополнительную защиту животному обеспечивал металлический налобник и густая кольчужная сеть, свисающая до массивных бабок.

Сам кочевник был облачен в кожаный доспех, укрепленный стальными наплечниками, нагрудным зеркалом, брюшными, боковыми и наспинными пластинами. Голову всадника прикрывал железный шлем-шишак с меховой оторочкой и исцарапанными пластиковыми щитками. Степняк, подогнув ноги, сидел в седле с небольшими луками и высоко поднятыми стремянами. У седла висели лук, колчан со стрелами, маленький круглый щит, плетенный из прутьев и обтянутый быконской шкурой. На поясе слева болталась кривая сабля. Из-за спины торчала винтовка с оптическим прицелом.

– Кто главный?! – крикнул ордынец по-русски, улыбаясь во весь рот, от чего его маленькие узенькие глазки на круглом лице вовсе превратились в щелочки.

– Ну, я, – Виктор поднялся над бортом автоповозки.

– Кто такие? Откуда едите? Куда?

Купец нахмурился:

– А может, для начала сам представишься?

Кочевник перестал улыбаться.

– Меня зовут Батцэцэг. Воины, которых вы видите – нукеры Великого Удуг-хана, провозглашенного на всеордынском курултае ханом ханов...

Да, Виктор был в курсе. Не так давно во главе Орды встал молодой и деятельный хан Удугэй или, как его еще называли Удуг-хан.

– А я здесь за толмача, – закончил степняк.

– Я смотрю, ты не только толмачишь, – Виктор указал взглядом на винтовку ордынца.

– Ага, – уголки Батцэцэгова рта снова поползли вверх, – и за снайпера я тоже. А ты кто, сибирский урус? И что с тобой за люди?

– Я купец. Зовут Виктор. Прозвище – Золотой. Это, – Виктор кивнул на повозки, – мой обоз и мои товары. Иду из Сибирска в Приуральск. Вернее...

Виктор покосился на сгоревший город.

– Вернее, шел...

– Викатар, – повторил ордынский переводчик-снайпер, коверкая непривычное имя. – Золотой Викатар, значит?

Сочувственно вздохнул:

– Приуральск-город – плохо. Сгорел Приуральск-город.

И снова заулыбался:

– А купец – это хорошо, это очень хорошо.

– В каком смысле хорошо? – насторожился Виктор. – Грабить, будете?

– Зачем грабить?! – возмутился Батцэцэг. – Мы не разбойники! Мы честные воины Великого Хана.

– А почему тогда честные воины чужие повозки окружили?

– Чтобы вы в лес не сбежали, – без заминки отозвался кочевник. – Поговорить чтобы.

– О чем?

– Хотим узнать, не видели ли вы по пути сюда зеленых демонов, и если видели, то где.

– Там где видели – их уже нет, – угрюмо ответил Виктор. – В паре дней пути отсюда зеленокожие напали на обоз.

– Много их было?

– Немало. Почти всех моих людей в лес утащили.

– Но вы-то сами отбились?

– Отбились.

– Значит, не так уж и много демонов на вас напало, – подытожил Батцэцэг. – Иначе не спаслись бы.

И задал следующий вопрос:

– Больше никого не встречали?

– Нет. Только вот вранов. Да еще был один соболяк.

– Ясно, – кивнул ордынец. – Значит демоново племя уже ушло в Котел. А вы, наверное, на тылы наткнулись.

Виктор только покачал головой. Если там, на тракте, были всего лишь «тылы»...

– Неужели из-за Хребта так много зеленокожих повылазило? – спросил он.

– Тьма, – отрезал Батцэцэг. – Так что считай, вам повезло, купец.

Ну... Кому-то повезло, кому-то нет. Виктор вспомнил о потерянных обозниках. Глянул на беднягу Кирку. Везение – оно понятие относительное.

– А что воины ордынского хана делают на территории, которая не принадлежит Орде? – спохватился Виктор.

– Удуг-хан не желает худого Сибирскому князю и не причинит вреда его владениям и его людям, – ответил кочевник.

– Бреешь! – Костоправ все-таки не удержался: подошел к автоповозке и вмешался в беседу. – Вам, степнякам врать, как с...

– Ты кто? – перебил его Батцэцэг, скользя по лекарю неприязненным взглядом.

– Быконь в пальто! – огрызнулся Костоправ.

– В смысле? – Батцэцэг непонимающе наморщил лоб. – В попоне?

– В смысле: в пи...

– Молчать! – прорычал Виктор. – А-Ка, уведи ты его отсюда, ради бога!

Стрелец вылез из автоповозки и силой оттащил лекаря в сторонку. Виктор повернулся к ордынцу, виновато развел руками:

– Не сердись на него, Батцэцэг. Бедняга иногда заговари-

вается. Он м-м-м... получил по голове дикарской дубинкой.

– Кто бы говорил! – вскинулся было Костоправ, но А-Ка пихнул лекаря в бок и увел его еще дальше.

Кочевник глянул в глаза Виктору:

– Дубинка – это слабое оправдание для наглеца, Золотой Викатар. За необдуманную дерзость можно и вовсе головы лишиться. Надеюсь, твой спутник осознает это?

– Я постараюсь его вразумить, – пообещал Виктор и вернул разговор в прежнее русло: – Так ты говоришь, что хан не хочет причинять вреда Сибирскому княжеству и подданным князя?

– Да, – кивнул ордынец. – Но хан хочет защитить свои кочевья от набегов зеленых демонов и прочих тварей из Котла, которых не смогли остановить воины князя.

– При чем тут демоны и твари, Батцэцэг? Вы нарушили границу и вступили на сибирские земли!

– Мы сделали это, потому что из ваших лесов на наши пастбища пришли мутанты. Так много, как не приходило никогда раньше. Они губят скот и истребляют целые рода. Зеленые демоны приносят в жертву своим богам подданных хана. Тварей, лезущих из Котла, следует истреблять и гнать обратно за Урал-Хребет. Для этого Удуг-хан и прислал сюда своих лучших нукеров.

– А может быть, вы пришли для того, чтобы сжечь Приуральск? – прищурился Виктор.

Батцэцэг скривился:

– Золотой Викатар, ты совсем глупый урус, да? Зачем нам жечь город, который защищает Орду от котловой нечисти?

«Вообще-то, верно, – поразмыслив, решил Виктор. – Смысла в этом не было». Приуральск, действительно, прикрывал не только юго-западные рубежи Сибирского княжества, но и северо-западные границы Орды.

– Удуг-хан запретил грабить Сибирские города, селения и обозы. Ему не нужна война с теми, кто, охраняя свой покой, вынужден беречь и покой Степи.

Что ж, это были циничные, но, похоже, честные слова.

– Тогда как вы оказались под Приуральском? – спросил Виктор.

– Шли по следам демонов. Вышли к городу. Увидели пепелище. Проверили. Живых не нашли.

– А оружие? Я имею в виду – старое оружие?

Возможно, ордынцы и не грабили никого, но как насчет мародерства в сожженном городе?

Батцэцэг покачал головой:

– Зеленые демоны разбили все, что можно было разбить и сожгли все, что можно было сжечь. Боеприпасов тоже не осталось. Мы видели только стреляные гильзы. Наверное, защитники крепости израсходовали все свои запасы.

– А городские арсеналы и базарные склады смотрели?

– Они сгорели дотла.

Вроде бы, Батцэцэг говорил правду, но как было на самом деле?. Выяснить это уже не представлялось возможным.

– На ваше счастье мы не успели уйти далеко от города, – продолжал кочевник. – Услышали стрельбу. Повернули назад.

– И тоже начали стрелять?

– Так не по тебе же, купец, и не по твоим людям, – пожал плечами Батцэцэг. – Если бы я стрелял по вам, то, будь уверен, не промахнулся бы. Но мы посланы убивать тварей из Котла, а не сибирских урусов. Черная стая, как и зеленые демоны – большая беда для Степи. Кстати, ты должен мне пять патронов, Золотой Викатар, – неожиданно заявил степняк. – Автоматные подойдут.

Батцэцэг недвусмысленно смотрел на «калаш» в руках А-Ка. Стрелец, оставив разобиженного на всех Костоправа в одиночестве, снова возвращался к ним.

– За что это я должен? – опешил Виктор.

– За то, что я отогнал от твоего обоза черную стаю.

– Так вас же для того и послали, чтобы истреблять котловых тварей! Разве нет?

– Но ведь мы могли бы подождать немного и заняться их истреблением уже после того, как черная стая растерзала бы вас и оставила ваше добро без хозяев.

– Одного из наших растерзали, – заметил Виктор, переве-

дя взгляд на останки Кирки.

– Мне жаль, что мы пришли поздно, – кажется, сожаление Батцэцэга было искренним, – Но мы все-таки пришли и помогли вам.

Виктор насупился. В словах ордынца был свой резон. В самом деле, кочевники могли им и не помогать. Зачем тратить дорогие боеприпасы, если кто-то другой уничтожает тварей, пусть даже и погибая при этом?

– Заметь, я прошу возместить только пять патронов – добавил Батцэцэг, – Столько, сколько я потратил на черную стаю. Это справедливо.

Наверное. Но...

– Нет у меня патронов, – глухо сказал Виктор.

– Автомат есть, – степняк снова скользнул взглядом по калашу в руках А-Ка, – а патронов нет?

– Патроны кончились. А торгую я другим товаром.

– Что за товар? – живо заинтересовался ордынец. Да, этот парень – не промах. Хан запретил грабить и разбойничать на территории союзного княжества, но торговаться и вымогать плату за спасение запрета не было.

Ладно... Виктор решил не скрытничать. В конце концов, как ни крути, а ордынцы действительно здорово их выручили. Нужно отблагодарить.

– У меня в основном – шкуры соболяков и горючка, – сказал он.

Степняк расплылся в улыбке:

– Шкуры – хорошо. Топливо – еще лучше.

Радость Батцэцэга понять можно. Соболяки в степь не заходят. Что им делать там, где нет кроновых мхов? А ордынская знать любит теплые одежды из дорогих шкур. Да и обшить свою юрту-гэр соболячим мехом у кочевников считалось высшим шиком. Правда, позволить себе такое могли лишь самые богатые ханы и князья-нойоны.

С топливом в ордынских землях тоже – швах. Нефтью в степи и не пахло. Так что сибирскую горючку кочевники скупали охотно и в больших количествах. Взамен степняки гнали в Сибирь главное богатство Орды – быконей, годных и для войны, и для работы. Практически вся княжеская кавалерия разъезжала на неприхотливых низкорослых «ордынцах». Да и в купеческих обозах тоже частенько попадались животные чистых степных кровей или полукровки.

Иногда, впрочем, кочевники рассчитывались и боеприпасами. Где они их брали? А кто ж скажет. Орда большая, ее земли почти не пострадали от Бойни, так что военных складов там, наверное, уцелело немало.

– Давай так купец: один соболяк, и считай, что мы с тобой в расчете, – предложил Батцэцэг.

Виктор переглянулся с А-Ка. У Стрельца, слышавшего заключительную часть разговора, аж челюсть отвисла. Пять патронов за шкуру – совсем неплохая цена. И ведь, наверняка, Батцэцэг предлагая ее, своей выгоды не упустил. Это ж сколько тогда за соболяка в самой Орде получить можно?

– Договорились, – кивнул Виктор. И добавил. – За рожок патронов к «калашу» дам еще шесть шкурок. Или канистру горючки.

– Только это... Нам нужен калибр семь, шестьдесят два, – уточнил А-Ка.

– Идет! – легко согласился ордынец. Даже, пожалуй, чересчур легко. Батцэцэг мельком глянул на автоматчика из своего отряда. – Будут вам автоматные семь, шестьдесят два.

И заулыбался еще шире:

– Ай, какой золотой купец!

Виктор тоже улыбнулся. А что? Так торговать можно.

– Хочешь – еще патронов достану, – заговорщицки подмигнул ему Батцэцэг.

– Еще? – удивился Виктор. В душу закралось сомнение: может быть, ордынцы все-таки помародерничали в павшем Приуральске? Или Удуг-хан настолько щедро снабжает свои карательные отряды?

– Соболяки и топливо – хороший товар, Золотой Викатар. А патроны у нас есть – не сомневайся.

Соблазн согласиться немедленно был большой, но...

– Хватит пока, – Виктор покачал головой.

Раз его товар, действительно, настолько хорош. В голове уже начала формироваться одна безумная мыслишка.

– Жаль, – заметно огорчился толмач-снайпер. – Ну, а куда ж ты теперь свой товар повезешь?

Батцэцэг многозначительно глянул в сторону сгоревшего города. Некуда, мол...

– Думаю пока, – уклончиво ответил Виктор.

– Хороший совет хочешь?

– Ну?

– За еще одного соболяка.

М-да, губа не дура.

– Если твой совет того стоит.

– Езжай с нами к хану Удугу.

Виктор сделал изумленное лицо, хотя то, что говорил Батцэцэг, полностью соответствовало намерениям, возникшим у него самого.

– Хан сейчас недалеко от границы, – продолжал кочевник. – Он благоволит к иноземным купцам. Ты сможешь выгодно сбыть свой товар прямо в его ставке.

Виктор сделал вид, что задумался.

– За разумную плату мы бы могли и тебя сопроводить, и твое добро сохранить в дороге, – не преминул вставить Батцэцэг.

Ну, конечно. Опять плата. Впрочем, в этом мире ничего не дается бесплатно.

– Вообще-то у меня есть охрана, – все же заметил Виктор.

– Твоя охрана, может быть, и хороша в лесу, но не в степи, – резонно возразил ордынец. – Да и мало у тебя охранников осталось, купец.

Что ж, верно подмечено...

– А у нас сотня бойцов. Мы только один из многих отрядов, посланных Удуг-ханом в приуральские леса, но все-таки с нами тебе и твоим людям будет безопаснее.

Тут, конечно, не поспоришь.

– И дорогу к ханской ставке без нас ты не найдешь, – добавил Батцэцэг.

В этом тоже степняк прав.

– Так что подумай, Золотой Викатар.

Предложение было заманчивое. Более чем. У Виктора давно уже зрела задумка выбраться за пределы княжества, да все не было подходящей возможности. Впрочем, и другие сибирские купцы на такое тоже пока не решались. Проще было торговать дома и водить обозы по опасным, но худо-бедно накатанным маршрутам от стольного Сибирка-на-Оби до окраинных городов. А лезть из родных лесов в чужую неприветливую степь... Ну вылезешь – и где искать кочевников? Куда товар вести? Как на открытом месте, где все на виду, отбиваться от котловых тварей, обходящих Хребет с юга, и от недобрых людей?

Но сейчас словно кто-то подталкивал в спину. Приуральска больше нет. Возвращение с нераспроданным товаром

грозит разорением, и тут уж абы какая торговля не поможет. А вот если сбыть товар в Орде... Пожалуй, это был единственный выход.

Только для начала...

– Нам нужно похоронить товарища, – Виктор перевел взгляд на мертвого Кирку.

– Святое дело, – согласился Батцэцэг. – Помочь?

– Спасибо, сами справимся, – ответил купец. – А еще я должен посоветоваться со своими людьми.

– Зачем? – удивился Батцэцэг. – Обоз же твой, и товар тоже.

– Но люди-то свободные. Насильно тянуть с собой я никого не могу.

– Ну, советуйся, купец, – пожал плечами степняк. – Только учти: мы долго ждать не будем. Сейчас отправим послов к твоему князю – пусть тоже знает, что тут стряслось – и движем обратно.

Толмач повернул коня. Кольцо вокруг обоза разомкнулось. Казалось, ордынцы утратили всякий интерес к сибирякам. Однако и уезжать степняки не спешили.

* * *

Кирку схоронили здесь же, в Приуральске. Копая могилу вместе с А-Ка и Костоправом, Виктор думал о том, как мало он успел узнать об этом парне с забавным большим но-

сом. Хотя, казалось бы, столько дней ехали вместе! А много ли он знал о других наемниках, которые впервые пошли с ним в поход и которых он потерял на тракте? Увы, иногда смерть приходит слишком быстро и не дает возможности по-настоящему познакомиться. Тогда остается только похоронить погибшего спутника по-человечески. Хотя бы одного из многих.

На городском валу появился одинокий крест, сбитый из двух обгоревших досок. Сибиряки повязали на перекладину три жертвенные тряпицы. Попрощались с мертвым. Теперь надо было заняться делами живых.

Степняки ждали в отдалении. Не мешали.

– Решайте сами, – обратился Виктор к А-Ка и Костоправу. – Я вас нанимал только до Приуральска и обратно. О другом речи ни шло. В общем, как скажете – так и поступим. Скажете с ордынцами ехать – поедем. Скажете возвращаться – вернемся. Без вас я все равно товар до Орды не довезу. Один в поле не воин и на базаре – не купец.

Совещание длилось недолго. Собственно, и не было совещания как такового. Стрелец и лекарь лишь перекинулись между собой несколькими фразами. Потом обратились к Виктору. Первым заговорил А-Ка. – Золотой, мы, короче, так порешили, – обстоятельно и неторопливо начал он. – Ты платишь больше других, к людям относишься по-человечески и обмана за тобой не водится. А еще рискован ты мужик, купец. Таких удача любит. Да и вообще... – Стрелец широко

улыбнулся, – без хорошего барыша возвращаться как-то не с руки. Ни тебе, ни нам.

– В Орду торговать еще никто из наших не ходил, – напомнил Виктор.

– Значит, мы пойдем первыми, – пожал плечами А-Ка. – Надо же кому-то начинать.

– Костоправ? – Виктор вопросительно взглянул на лекаря. – Если есть сомнения – говори сразу. Потом поздно будет.

Костоправ выматерился.

– Слушай, Золотой, я че-то не пойму, то ли ты нас держишь за...

Лекарь ввернул одно из тех словечек, которые в приличном обществе не говорят.

– ...то ли сам такой!

«Значит, и правда, согласны», – с облегчением подумал Виктор.

За спиной послышался стук копыт. Виктор обернулся. К ним подъезжал толмач.

– Эй, Золотой Викатар! – прокричал Батцэцэг, гарцуя на быконе. – Мы уезжаем! Что вы решили?!

– Едем с вами! – ответил Виктор.

– Ага! – обрадовался ордынец. – Что, стоит мой совет соболяка?

Да, такой о себе не забудет. Виктор кивнул:

– Получишь шкуру, Батцэцэг. С кем договариваться о

плате за сопровождение?

Глава 7

Коренастому кривоногому сотнику Солонгу, возглавлявшему отряд ордынцев, пришлось отдать еще две соболяковые шкуры. Вообще-то, Виктор думал, что степняки запросят больше, но, видимо, шкуры опасного лесного зверя ценились в Орде очень высоко и сильно наглеть кочевники не стали.

Виктор все же велел обозникам быть начеку. Так, на всякий случай. Мало, ли что на уме у этих ордынцев? Может, заведут подальше в степь, да там и покажут свою истинную личину.

– Правильно, – поддержал его Костоправ. – Сопли сейчас жевать нельзя, а то хрен его знает... Толмач этот, как его там... Бац-бац...

– Батцэцэг, – подсказал Виктор.

– Во-во, что-то лыбится он много. А потом – глядишь, из снайперки своей всех нас того... бац-бац... И дружки его мне что-то не очень нравятся. Степное племя, мать его, не верю я им.

– Осторожность она, конечно, не помешает, – рассудительно сказал А-Ка – но вообще-то «бац-бац» нас ордынцы могли бы еще под Приуральском.

– Много ты понимаешь, умник! – махнул рукой лекарь, однако продолжать спор не стал. Видимо, на такой аргумент

возразить было нечего.

Пока все шло спокойно. Ордынские быкони трусили впереди. Сибирские повозки двигались следом. Изредка удавалось переброситься парой фраз с толмачом-Стрельцом. Но вообще-то кочевники зря не болтали: все больше настороженно зыркали по сторонам.

Лес закончился, началась степь. Дорога стала легче.

Хоть они и удалились уже основательно от Большого Котла, но дозоры во все стороны ордынцы отправлять не забывали. «Осторожные ребята, – с одобрением подумал Виктор. – Даже на своей территории бдительности не теряют».

Он с любопытством вертел головой, осматривая чужие земли.

– Ну, блин, и местечко, мать его, – доносилось с соседней повозки недовольное бухтение Костоправа. – Все просматривается, как бритая... М-да... Срам один! До ветру пойдешь – приткнуться некуда! А если по большому приспижит – в траве, что ли, хорониться? А подтираться чем? Сеном вот этим? Сухостоем с колючками? И бабу хрен завалишь, чтоб никто не видел. Как только тут ордынцы живут?!

Действительно, чудно было после сибирской тайги двигаться по необъятной, заросшей сухой и пахучей травой степи – местами ровной, как стол, местами – изрезанной частыми холмами и оврагами, будто скомканной, как плохо выделанная и скверно просушенная кожа.

С любой возвышенности ордынская степь просматрива-

лась до горизонта, что было и опасно, и удобно одновременно. Опасно, потому что пробравшаяся сюда котловая тварь могла издали увидеть добычу. Удобно, потому что и самой твари трудно подойти к людям незамеченной.

* * *

Еще на дальних подступах к ханской ставке появились многочисленные и хорошо вооруженные дозоры. Среди всадников, встречавших сотню Солонга, часто попадались ордынские Стрельцы.

Перекинувшись несколькими словами с Солонгом и наскоро осмотрев купеческие повозки, разъезды пропускали отряд.

Миновав первые дозоры, Солонг послал вперед гонца с донесением.

– Хан Удуг должен знать, что мы возвращаемся, – пояснил Батцэцэг. – С какими вестями и с какими гостями.

Вскоре на горизонте показались поднимающиеся к небу дымки. Словно вся степь курилась. А еще некоторое время спустя Виктор смог разглядеть ордынское становище. Вернее, лишь ту его часть, к которой они приближались: уж слишком велик оказался лагерь. Хотя, пожалуй, и не лагерь даже. По сути, это был огромный передвижной город.

– Них-х-хрена себе! – не удержался от комментария Костоправ. – Да этих ордынцев гребанных тут туча! По-

расплодился, мля, как твари в Котле.

Слава Богу, Батцэцэг не слышал. Сравнивание степняков с котловыми мутантами могло быть расценено, как оскорбление. Да и вообще специфическая манера Костоправа разговаривать мало кому пришлась бы по нраву.

Виктор велел лекарю заткнуться и попросил А-Ка приглядывать, чтобы впредь тот держал язык за зубами.

– В случае чего – сразу прикладом в зубы, – вполне серьезно сказал Виктор. Ради безопасности всей группы он готов был предоставить Стрельцу и такие полномочия.

Лекарь обиженно засопел. Ну вот и пусть себе сопит в две дырочки. Нарываться в чужих владениях на конфликт из-за неосмотрительно брошенного слова не хотелось. Как показывал опыт общения с Батцэцэгом, среди кочевников встречались ордынцы, знающие русский, а высказывания обозного эскулапа никак не соответствовали дипломатическим нормам и правилам хорошего тона.

Нелегко будет с Костоправом в чужих землях, ох, нелегко...

Повозка, которой управлял лекарь, сильно отстала.

– Слышь, А-Ка, ты вообще где с этим типом познакомился? – тихонько спросил Виктор, кивнув в сторону набычившегося Костоправа.

– На родах, – хмыкнул А-Ка.

Занимательная история знакомства Стрельца и лекаря помогла скоротать остаток пути.

Почему бабе приспичило рожать раньше срока, А-Ка не знал. Может, перенервничала, пока ехали по лесу, может, растрясло на ухабистой дороге. Так или иначе, но процесс, что называется, пошел. Попутчица – дебелая молодуха на сносях по имени Валентина – пучила глаза и испугано скулила, обхватив руками объемистый живот.

По правде сказать, А-Ка был напуган не меньше самой роженицы. Раньше в подобные переплеты он не попадал и понятия не имел, что полагается делать в таких случаях. Стрелец предпочел бы иметь дело с мутантами или разбойниками, а не с разрешающейся от бремени бабой. С теми-то хоть ясно как управляться.

Оставалось лишь погонять впряженных в повозку быко-ней и крыть себя последними словами за то, что согласился подвести беременную попутчицу. Но уж очень Валюха умоляла взять ее в повозку.

– Я заплачу, Стрелечик, миленькой! – чуть не рыдала она, цепляясь за тележный борт.

Пришлось взять. Без всякой платы, разумеется. Все равно ведь по пути, и место для пассажирки имелось. Да и лишняя пара глаз в дороге не помешают.

А-Ка выполнял плевый заказ: нужно было перевести из небольшого острога в Сибирск несколько мешков зерна.

Стрелец-наемник был и за возницу, и за охранника. Маршрут короткий и неопасный, а платили сносно.

Валентина тоже направлялась в стольный город Сибирского княжества. Как выяснилось, баба гостила у родных, но рожать все же поехала к мужу. Поначалу все шло нормально. Валюха мышкой сидела сзади, не мешала, не лезла с разговорами, следила за тылами. Но потом...

– Ой, мамочки, мамочки мои! Ой, рожая-рожаю!

«Опять!» – в панике подумал А-Ка. Схватки учащались...

Появившийся из-за поворота встречный княжеский обоз из трех повозок и четырех всадников, показался ему спасением, дарованным свыше.

– Сто-о-ой! – не раздумывая, А-Ка перегородил тракт своей телегой и бросился к обозу.

Верховая охрана напряглась. Дружинники в повозках, тоже схватились за оружие. Двое Стрельцов взяли А-Ка на прицел.

Наверное, его спасло только то, что автомат был заброшен за спину, меч лежал в ножнах, а в руках ничего не оказалось. Сразу не пристрелили, хотя могли бы запросто.

– Лекарь?! – крикнул А-Ка. – Лекарь есть?!

– Ну, я лекарь? – На одной из княжеских повозок поднялся хмурый бугай с встрепанными волосами и с кистенем на поясе. – Че надо? Какого хрена разорался?

– Баба рождает!

– Эка невидаль! А голосишь так, будто сам вот-вот разро-

дишься.

– Так она там, – А-Ка, немного опешив, махнул рукой на свою повозку. – Здесь, то есть.

– Ой, мамочки-мамочки! – Валентина словно в подтверждение его слов снова завопила благим матом.

– Ладно, черт с тобой! – дружинник с кистенем спрыгнул с повозки. – Идем, посмотрим твою бабу.

– Она не моя, вообще-то, – заметил А-Ка.

– Да мне по хрену! – раздраженно бросил лекарь с кистенем.

– Эй! Костоправ! – окликнул дружинника тощий и нервный десятник. – Ты куда намылился? Князь велел не задерживаться в пути.

– Отвянь ты со своим князем! – отмахнулся тот. – Щас родим и вернусь.

Десятник однако вянуть не хотел. Подбежал к подчиненному. Засеменил рядом.

– Ты что ж такое опять творишь, Костоправ?! Снова проблем хочешь на свою дурную башку? – десятник стукнул себя по шлему. – Из дружины вылететь хочешь? Так дождешься! Устроим!

– Сейчас, мать твою, я хочу воды, понял?

– А? – десятник не понял.

– Только теплой, мля. И тряпок побольше. Только чистых, мля. И побыстрее. Мля!

Десятник развел руками:

– Где я тебе все это возьму? – обиженно крикнул он уже в спину лекарю.

– Меня не колышит!

Костоправ влез в повозку А-Ка, который к тому времени окончательно запутался, кто в этом обозе главный – десятник или лекарь.

Как бы то ни было, но уже через несколько минут у обочины дымился костерок, над которым в помятом закопченном котелке грелась вода, А-Ка стоял рядом на подхвате, а роженица лежала в повозке на относительно чистых плащах дружинников.

– Ноги раздвинь, етить твою тить! – орал на Валюху Костоправ – Да шире, тудыжь растудыжь! Шире! Чего жмешься, дура? Раздвигала ведь уже под мужиком, а теперь, мля, стесняется! Еще шире! Не, ну вот же овца упрямая! Воды отошли, а она все целку из себя строит!

Из-за борта повозки видно было, как Костоправ, потеряв терпение, схватил бабу за колени и сам рывком развел их в стороны.

– Ай! – пискнула Валюха.

– Вот так лежи и не вякай!

Со стороны могло показаться, что в повозке возится не лекарь с пациенткой, а насильник с жертвой.

– Чего ж ты тупая такая-то, а? Не рожала ни разу, что ли?

– Не-а, – тихонько проблеяла баба.

– Мля! Учить вас и учить! Тужься теперь!

– Больно!

– По хрену! Тужься, кому говорю! Сильнее, мать твою! И дыши глубже! Тужься, мля! Дыши, м-мать! Тужься! Дыши! Мля! Мать! Мать! Мать!

– Ой, мамочка, рожаю, рожаю, рожа-а-а!..

– Головка пошла! Тужься, сука, а то обратно впихну! Дыши! Тужься!

Валентина надрывно орала. Костоправ матерился. Что-то у них там, похоже, не складывалось.

– Может, помочь? – робко предложил А-Ка, стараясь не заглядывать за борт повозки и не представляя даже, какую помощь может сейчас оказать.

– Да пошел ты! – грубо посоветовали ему. – Я копыто бы коню руками вправлял. Думаешь, у меня сил не хватит дите из бабы вытащить?!

Послышалось какое-то бульканье. Влажный «чмок»... Из-за борта показались перемазанная кровью лапища и искаженное лицо Костоправа.

– Дай! – потребовал лекарь.

– Чего? – не понял А-Ка.

– Нож, меч, топор...

Прежде чем А-Ка успел опомниться, Костоправ сам выхватил клинок у него из ножен.

«Добьет! – мелькнуло в голове. – Чтобы не мучились! Обоих – и мать, и ребенка!»

В следующую секунду лезвие сухо стукнуло о дощатый

борт. Потом меч вылетел из повозки. Послышался легкий шлепок.

И звонкий крик младенца.

Над тележным бортом в лучах заходящего солнца поднялся всклокоченный, потный, измазанный кровью Костоправ. Трепыхающегося ребенка с обрубленной пуповиной лекарь держал за ноги. Сейчас он напоминал варвара, приносящего несчастное дите в жертву.

Виктор заглянул в повозку. Обессилившая Валентина смотрела на ребенка. В глазах женщины – счастье и слезы.

– Чего разлеглась, дура! – прервал релаксацию Костоправ. – Сиську давай.

Мать трясущимися руками принялась расстегивать блузу. Младенец вопил.

– У-тю-тю-тю, туюю мать, – Костоправ шевельнул перед лицом ребенка пальцами и, скривившись, изобразил на своем угрюмом лице улыбку, которую, пожалуй, стоило бы приберечь для боя, чтобы пугать врагов. Дите, как ни странно, умолкло. А Валентина никакне могла справиться с одеждой.

– Ну корова! – посетовал Костоправ.

Протянув свободную руку, лекарь сам выпростал из тесного лифа налитую грудь. Приложил к ней ребенка. Почти сразу же послышалось блаженное почмокивание.

Пока десятник княжеских дружинников сокрушенно осматривал свой походный плащ, испачканный кровью роженицы, Костоправ отозвал А-Ка в сторонку.

– Короче, слушай меня, Стрелец, – заявил лекарь. – Отвезешь эту долбанную овцу с дитем домой и сдашь мужу. Из рук в руки.

А-Ка только улыбнулся в ответ. Отвезет, конечно. Как будто могло быть иначе.

– Вернусь в Сибирск – проверю, – пообещал Костоправ. Обещание свое лекарь выполнил.

* * *

Вокруг ханской ставки тоже была выставлена вооруженная охрана, но и эти кордоны миновали без проблем. Въехали на территорию лагеря.

Виктор смотрел во все глаза. Такая жизнь была ему в диковинку.

Бесчисленные юрты (или, как их называли сами ордынцы – гэры), палатки, кибитки и повозки располагались кольцами-курениями, вокруг богатых и просторных шатров, обшитых соболячьими шкурами. Эти жилища явно принадлежали ханским военачальникам и князькам-нойонам. Шатры поменьше и попроще прикрывал рваный брезент, вытертый войлок и полиэтиленовая пленка. Возле гэров ордынской знати торчали шесты, украшенные хвостами быконей. Знамена-бунчуки...

Горели костры. В больших котлах, подвешенных над огнем, кочевники готовили пищу. Дразнящий аромат стряпни

мешался с вонючим дымом: в качестве топлива использовались травяной сухостой и быконские кизяки.

По лагерю бродили пешие воины и ездили всадники. Было шумно и, на первый взгляд – бестолково. Но, наверное, только на первый взгляд. Ханское становище напоминало огромный муравейник, в котором кипит особая, непонятная стороннему наблюдателю, но при этом вполне упорядоченная жизнь.

Перед самыми большими шатрами стояли автоповозки, приспособленные к кочевой жизни. В основном – переделанные высокоосные внедорожники с навесами и грузовики с расширенными и утепленными кунгами. Были здесь также небольшие автобусики и фургончики, некоторые – с палатками на крышах. Были и простые автоприцепы с юртами, мало отличающиеся от обычных кибиток. Виктор заметил даже пару мотоциклов с крытыми колясками и квадроцикл, над которым был установлен небольшой полог на длинных жердях. По сибирским лесам на таких драндулетах не очень-то погоняешь, но для степных равнин, они вполне годились.

На технике висели упряжные ремни. Авто- и мотоповозки, конечно же, двигались не своим ходом. Кочевники, как, впрочем, и сибиряки, позволяли себе заводить старые изношенные двигатели и расходовать дорогое топливо лишь в случае крайней необходимости. Основная тяга ордынского транспорта была гужевой.

Возле становища и далеко в степи паслись табуны быко-

ней, годных и под седло, и в упряжь. Такие уж сейчас времена: не лошадиные силы, заключенные под капотом, тянут машину, а быконские. Причем, тянут не в переносном, а в самом, что ни на есть, прямом смысле. И от мощности двигателя тут уже ничего не зависит. Все зависит от того, сколько весит машина и сколько скотины в нее впряжено.

Многие автоповозки, телеги и кибитки имели вооружение: в основном тугие дальнобойные самострелы. Бомбарды и самопалы у степняков встречались реже. На двух повозках Виктор заметил пулеметные стволы.

Кое-где возвышались небольшие ветряки. Установленные возле богатых шатров – на земле, а то и прямо в повозках, прицепах и кузовах – они смотрелись в пестром таборе кочевников несколько диковато. Ветряки были маломощными и их было немного, но какое-то количество энергии лопасти, вращающиеся на сильном степном ветру, все же производили.

* * *

Поставленные кругами куреня ордынских князьков и военачальников в свою очередь образовывали большой круг. В самом его центре, посреди лагеря, на вершине кургана высился огромный, как боярский терем, и пестрый, как праздничные одежды сибирской княгини, шатер. Над шатром торчал приметный бунчук, украшенный девятью белыми бы-

конскими хвостами.

Крышу шатра и поставленной рядом автоповозки покрывали странного вида широкие и гладкие ячеистые панели, которые при внимательном рассмотрении оказались вовсе не пластиковыми кровельными щитками и не выделанными шкурами неизвестных мутантов.

– Батцэцэг, что это? – Виктор повернулся к толмачу.

– Солнечные батареи, – невозмутимо ответил тот.

– Ма-а-ать моя женщина! – не сдержался Костоправ.

– Все матери – женщины, – удивленно взглянул на него кочевник. – Может быть, у мутантов и бывает по-другому. У людей – нет.

Лекарь, похоже, не расслышал его замечания. Костоправ во все глаза пялился на панели солнечных батарей.

– Слышь, Бац-бац, – вновь заговорил он, – это у вас Орда, блин, или передвижной научный центр?

– Я не Бац-бац, я Батцэцэг, – сухо заметил ордынец. И лишь после этого объяснил: – В Китае кое-что уцелело после Бойни. И китайцы сохранили кое-какие знания. А сейчас те провинции Китая, которые не подвергались бомбардировкам, являются частью Орды. Там удалось найти несколько исправных батарей и подключить их.

«А у нас в княжестве такого добра нет, – не без зависти подумал Виктор. – Да и специалистов, способных обслуживать это чудо техники, уже не осталось».

Они подъехали ближе, обогнули большой шатер справа, и

Виктор увидел вытянутый силуэт бронетранспортера, укрытого от солнца под войлочным навесом. Странно... БТР – все-таки тяжелая машина. Она хороша в бою, но не очень практичная, да что там непрактичная – совершенно неподходящая для долгого похода. Даже для не очень долгого. Если едет своим ходом – жрет уйму топлива, а с горючкой у степняков всегда была напряженка. Если же тянуть такую махину в упряжке – потребуется слишком много быковей, которых, к тому же, придется постоянно менять. Даже для выносливой степной скотинки тащить бронетехнику – тяжелая работа.

Нет, вообще-то в гараже при хоромах Великого Князя Сибирского тоже имелась пара БТРов и даже один танк. Но они предназначались исключительно для обороны города. А чтобы вот так, кочевать на бронетранспортере... Это мог себе позволить только очень могущественный, влиятельный и богатый ордынец.

У Виктора больше не оставалось сомнений в том, кому принадлежит здоровенный шатер с крышей из солнечных батарей и с тяжелой бронированной «кибиткой» у входа. Но Батцэцэг все же пояснил гостям:

– В великом гэре живет Великий Хан.

С кургана, на котором стоял великий гэр Великого Хана, съехал всадник. Наездник остановил своего быконя перед Солонгом, и Виктор узнал гонца, отправленного к Удугу. Между посланцем и ордынским сотником состоялся ко-

роткий негромкий разговор. Затем Солонг позвал Батцэцэ-га. Прозвучало еще несколько фраз на чужом языке. Толмач повернулся к Виктору.

– Удуг-хан хочет говорить с тобой, Золотой Викатар, – с неожиданной торжественностью объявил переводчик.

– Прямо сейчас? – удивился купец. Не ожидал он такого интереса к своей скромной персоне.

– Прямо сейчас.

– Хорошо, – Виктор пожал плечами. – Если хану надо – поговорим.

– Думаю, в первую очередь это надо тебе, – глубокомысленно заметил Батцэцэг.

Глава 8

Прежде чем попасть в ханское жилище, пришлось пройти между кострами, разложенными у входного порога и вдохнуть густого вонючего дыма так, что аж глаза заслезились.

– Какого хрена? – недовольно пробурчал Костоправ.

– Огонь очищает души и помыслы, – скупно пояснил Батцэцэг. – В это верили наши предки. А предки были мудры.

«Вообще-то, судя по тому, что они сотворили с планетой – не очень», – подумал Виктор. Хотя, может быть, толмач имел в виду предков, живших задолго до Бойни.

Молчаливая ханская стража, среди которой оказалось двое Стрельцов с автоматами, тщательно обыскала гостей и забрала оружие даже у Батцэцэга. Только после этого сибиряков пропустили к Удугу.

– Не наступайте на порог, – предупредил переводчик.

– Это еще с какого перепугу? – нахмурился Костоправ. Вид у лекаря был такой, будто он из чистого упрямства и врожденной мерзости собрался станцевать на порожке юрты.

– Таков обычай, – коротко ответил Батцэцэг. – Так поступали предки. – Костоправ, делай, что велено и не болтай лишнего, – осадил Виктор лекаря, вновь открывшего, было, рот. – Мы не дома сейчас, а в гостях.

– Тому, кто коснется ногой порога ханского гэра, сломают хребет, – как бы между прочим добавил Батцэцэг.

Через небольшой порожек они переступали, высоко поднимая ноги. Смотрелось, наверное, это несколько нелепо, но уж лучше так. От греха подальше.

Деревянный каркас ханской юрты-гэра был составлен из прочных, наложенных друг на друга крест-накрест реек, соединенных в крупные секции. Длинные жерди и два толстых, высоких, как колонны опорных столба поддерживали крышу. К каркасу крепился плотный войлок, которого, впрочем, почти не было видно: жилище хана и снаружи, и изнутри было обшито шкурами соболяка. Те же шкуры лежали и на полу поверх старых паролоновых и резиновых ковриков, синтетических паласов и вытканых уже после Бойни ковров.

В самом центре юрты на голом земляном пяточке стояла ржавая печка-«буржуйка» с трубой, выведенной наружу через дымоходное отверстие в крыше. Впрочем, сейчас огонь в печке не горел: на улице было не холодно, и обогреть помещение не требовалось.

Небо было пасмурным и света из дымоходного отверстия внутрь попадало не очень много. Наверное, поэтому на потолке в путанице черных проводов тускло светились лампочки в треснувших абажурах. Электрические лампочки!

Виктор заворожено уставился на эти неживые слабые огоньки. Не зря, ох не зря в Орде имелись солнечные батареи и ветряки. Но то ли они производили совсем уж мало энергии, чтобы полностью осветить весь огромный гэр, то ли электричество привык экономить даже Великий Хан.

Недостаток электрического освещения, впрочем, восполняли масляные светильники, развешенные по темным углам. Света хватало, чтобы разглядеть хозяина гэра.

Скрестив ноги, Удуг-хан восседал на широком и низком пластиковом кресле-шезлонге, также обложенном шкурами соболяков. Это был невысокий, но крепкий ордынец с маленькими черными усиками и узкими глазами, смотрящими в пространство пристально и внимательно. Хан был молод и силен, его взгляд был взглядом умного и уверенного в себе человека.

На Удуге поблескивали богато украшенные доспехи: кольчуга двойного плетения, нагрудник из стальных блях с золотой чеканкой, дополнительные вставки из прочного пластика в наиболее уязвимых местах. Голову хана прикрывал легкий шлем. К поясу слева была прицеплена изогнутая сабля с рукоятью, украшенной самоцветными камнями. На специальном крюке в правом наплечнике висел на узком ремне миниатюрный короткоствольный пистолет-пулемет. Куцый ствол выглядывал из подмышки. При необходимости хан мог мгновенно схватить оружие и дать смертоносную очередь. В торцевой части рукояти пистолета-пулемета тоже сверкали небольшие, не стесняющие хвата, драгоценные камешки, то ли вклеенные, то ли вмонтированные в металл.

Саблями и такими же, как у хана, укороченными стволами были вооружены два телохранителя-Стрельца, стоявшие в гэре у входа.

По правую руку от хана располагалось широкое ложе, на стене висели седло, сбруя и оружие, в том числе два автомата без рожков, винтовка с оптическим прицелом, как у Батцэцэга, и три пистолета. Левую часть гэра закрывала плотная занавеска.

Батцэцэг велел гостям остановиться, не доходя до очага. Судя по всему, очагом здесь именовалась «буржуйка». Приличествующие ситуации поклоны сибиряков походили, скорее, на почтительные кивки. Хан тоже благожелательно кивнул в ответ.

– Купец, – шепнул толмач Виктору. – Ты ведешь свой обоз, значит, и с Великим Ханом должен говорить ты.

Виктор не возражал. Лишь бы Удуг не пожелал беседовать с Костоправом.

* * *

– Подойди к Великому Хану, – сказал толмач.

Ощувив легкий толчок в спину, Виктор выступил на шаг вперед. Батцэцэг что-то негромко произнес, видимо, представляя гостя. Удуг тоже что-то сказал и снова покивал – на этот раз с печально-сочувствующим видом.

– Великий Хан сожалеет, что город, в который ты шел торговать, уничтожен, – перевел Батцэцэг.

– Ну, спасибо хану, – Виктор немного озадачился от такого начала разговора.

Его короткое «спасибо» Батцэцэг переводил подозрительно долго. Наверное, не преминул добавить что-то от себя и расцветить благодарность более подходящими местному этикету выражениями.

Удуг заговорил снова.

– Великий Хан говорит, что его кочевья тоже сильно пострадали от большого набега зеленых демонов и прочих котловых тварей.

– Сочувствую, – вполне искренне сказал Виктор.

И вновь краткий ответ был одобрен многословным переводом.

Удуг что-то произнес, уже с недобрым прищуром.

– Великий Хан надеется, что его славные нукеры и богатыры в должной мере отомстили котловому отродью и за ваш город, и за наши разоренные кочевья.

– Я тоже надеюсь, – ответил Виктор. – Полагаю, и наш князь в долгу не останется. Сибирская дружина прочешет леса возле Большого Котла.

Об этом стоило упомянуть. Пусть ордынцы не думают, что только у них есть сила.

Толмач перевел. Хан понимающе улыбнулся. Затем завел разговор о другом.

– Великий Хан спрашивает, почему ты решил идти в степь?

– Ну, то есть как, почему? – опешил Виктор. – Надо товар сбыть. Назад везти не выгодно, а Приуральского базара

больше нет. Вот, сами и навелись к вашим купцам. Разве хану это не по нраву?

– Великий Хан рад любой торговле в своих владениях, – перевел ответ Удуга Батцэцэг. – Но его удивляет, что прежде сибирские купцы никогда не приходили со своим товаром в степь...

– Мы не знаем степи, – пожал плечами Виктор. – Мы не знаем, где искать ваши кочевья. Проще было перепродавать товар в Приуральске.

– Но ты и твои люди все-таки пришли сюда, – перетолмачил следующую фразу хана Батцэцэг.

– Скажи хану, что у нас не было выбора.

Удуг выслушал ответ и заговорил опять.

– Ты смелый купец, и люди у тебя смелые, – переводил Батцэцэг. – Среди торговцев такие встречаются нечасто. Такие обычно идут в воины. Великий Хан таких уважает.

– Так и мы к Великому Хану со всем нашим почтением, – ответил Виктор, не понимая еще, куда приведет этот странный разговор.

Снова перевод. Снова благожелательный кивок. И снова – голос хана.

– Великий Хан говорит, что ты можешь беспрепятственно продать в его ставку свои товары, получить хороший барыш и вернуться обратно с пограничным разъездом.

– Благодарю хана, – склонил голову Виктор.

Все складывалось даже удачнее, чем он рассчитывал. Но

как оказалось, с благодарностью Виктор все же поспешил: хан еще не закончил.

* * *

Удуг заговорил опять. Батцэцэг перевел.

– Но Великий Хан спрашивает, готов ли ты пойти еще дальше и получить еще большую прибыль?

– Дальше? – это было полной неожиданностью. – Куда дальше-то?

Теперь хан говорил долго и неторопливо, давая время Батцэцэгу перетолмачить и пристально глядя в глаза Виктору.

Батцэцэг старательно переводил каждую фразу.

– Великий Удуг-хан считает себя новым воплощением Потрясателя Вселенной Чингисхана и чувствует в себе силы исполнить великую миссию и изменить этот мир.

Громкие и красивые слова. А что стоит за ними – пока непонятно. Виктор слушал, не перебивая.

– Нашим западным дозорам и пограничным туменам становится трудно сдерживать котловую нечисть. А твари из Большого Котла с каждым годом выходят все чаще, пробираются все дальше и их набегии становятся все опустошительнее.

Ну и?.. Виктор молча ждал продолжения.

– Великий Хан хочет расширить свои владения на запад,

расчистить опасные территории, оттеснить тварей и основать новый улус в подбрюшьях Большого Котла.

Ах, вот в чем дело! Что ж, вполне разумное решение. С одной стороны Орду от тварей защищало бы тогда Сибирское Княжество, прикрывающее Уральский Хребет. С другой – буферный улус, который станет для кочевников чем-то вроде порубежных застав сибиряков. Правда, как оказалось, только лишь созданием нового улуса Удуг решил не ограничиваться.

– Великий Хан рассчитывает дойти до южных морей и укрепиться там, – продолжал Батцэцэг. – Удуг-хан хочет, чтобы новый улус не только защищал его земли, но и укреплял его власть. Это важный поход, поэтому Великий Хан возглавил его лично.

Возглавил? Значит, «важный поход» поход уже начался?

– Ну, хорошо, а мы-то здесь с какого боку? – не понял Виктор.

Удуг ответил ему через переводчика. Подробно и обстоятельно.

– На южных морях бурлит торговля. Там плавают большие лодки с дорогим товаром. Туда отправлялись многие купцы из Орды. Но лишь немногие возвращались обратно. Так – неправильно.

«А как правильно?» – подумал Виктор. И получил ответ, не успев задать вопроса:

– Это очень богатые края. Когда новый улус соединится с

ними и получит выход к южным морям, он тоже будет богаче, а через него – и вся Орда. Но для этого нужно собрать смелых купцов из разных земель, которые готовы проложить торговый путь через новые владения Великого Хана.

Затея была интересной. Виктор крепко задумался. А Удуг все говорил.

* * *

– Мало завоевать новые земли под Большим Котлом, – переводил толмач слова хана, – их надо еще и удержать. Силой одного лишь оружия сделать это будет сложно. Отправлять на котловую границу только воинов неразумно и накладно. Но если в новом улусе вместе с воинами появятся купцы, то и остальной народ тоже потянется вслед за ними. На опасных землях поселятся люди, готовые кормить воинов, поддерживать торговлю и тем увеличивать свое собственное благосостояние. А когда новый улус станет местом, через которое будут постоянно ходить торговые караваны, котловые демоны уже не смогут скovyрнуть оттуда поданных Великого Хана. Если это окажется выгодно, люди мертвой хваткой вцепятся в прикотловую территорию и станут оборонять свой улус, не только выполняя волю Повелителя, но и по собственной воле тоже.

Однако! А Удуг-то мыслит далеко. И широко. И, главное, правильно. Он не просто возомнил себя вторым Чингисха-

ном-завоевателем, он строит планы как дальновидный стратег.

Верно рассчитал ордынский хан. Во все времена границы берегло не только оружие, но и звонкая монета. Порубежные сибирские дружинники тоже ведь несут опасную службу не только и не столько из страха перед княжеским гневом, а блюдя собственную выгоду. Сибирский князь щедро платит порубежникам. Благо, есть с чего...

В скудной степи особых богатств нет. Значит, хану остается одно: наладить выгодную торговлю, которая велась бы вдоль Большого Котла. Тогда купцы в первую очередь будут заинтересованы в том, чтобы караванные пути стали безопасными. И в обеспечение этой самой безопасности они вложатся, не хуже самого хана. Может быть, не сразу, может, со временем, но как только выяснится, что торговля с южными морями приносит хороший барыш, купцы непременно раскошелятся. От чего Удуг опять-таки только выиграет: земля, на которой кипит торговля, процветала всегда. Так что новый улус, в самом деле, не только защитит владения хана от набегов котловых тварей, но и обогатит его.

«Жаль, наш князь не додумался пробиваться к южным морям», – посетовал Виктор. Впрочем, для этого пришлось бы сначала прорваться через Большой Котел, что, увы, неосуществимо. Или – через приграничные земли Орды. А война со Степью сибирякам не нужна так же, как и степнякам – война с Сибирью.

– Подумай, урус, – обратился через переводчика Удуг к Виктору. – Хорошо подумай. У тебя есть возможность первым из всех сибирских купцов доехать с товаром до южных морей. А тот, кто приходит первым, всегда снимает самые жирные сливки.

Что ж, эту простую истину Виктору объяснять было не нужно.

– Если хочешь посоветоваться со своими людьми, Великий Хан даст тебе время, – добавил толмач уже от себя. Так, во всяком случае, показалось Виктору.

Глава 9

На этот раз обозники тоже совещались недолго. Неожиданное предложение ордынского хана было из разряда тех, от которых глупо было бы отказываться – так для себя решил каждый. То, что им удалось выбраться из прикотлового леса в степь – уже вдохновляло. А уж неведомые южные моря...

Путь, конечно, предстоял нелегкий и опасный – на этот счет никто не обольщался, но риск мог окупиться не сторицей даже – тысячеорицей.

– Хватить триндеть, короче. Поехали с ханом – и баста, – в обычной своей манере подвел итог Костоправ. Весь негатив по отношению к степнякам у лекаря куда-то улетучился.

Их определили в передвижной караван-сарай. По крайней мере, Батцэцэг, приставленный к сибирякам в качестве толмача, именно так назвал скопище людей в пестрых одеждах, груженных повозок, мобильных навесов и прилавок, телег с водой и снедью, вместительных контейнеров на колесах, быков и огромных длинношеих трехгорбых животных. Верблюки – так именовали в Приуральске эту диковинную скотину, приходившую иногда с торговыми караванами из ордынских земель.

Разноязыкий купеческий табор, двигавшийся за войском кочевников и охраняемый ханскими нукерами, располагался неподалеку от кургана с шатром Удуга. Видимо, это следо-

вало считать проявлением особой милости к торговым людям. В караван-сараях купцы имели возможность не только отдыхать и кочевать вслед за ханской ставкой, но и торговать в пути. Чем, собственно, многие сейчас и занимались. Торжище, по сравнению с которым базарчики Приуралья и Сибиря казались совсем уж убогими, шумело и гудело. Купцы продавали и обменивали свой товар, азартно торгуясь друг с другом и с богатыми ордынами, толкавшимися на рынке.

Кого здесь только не было! Как пояснил Батцэцэг, войско Удуга состояло из монголов, китайцев, казахов, узбеков, таджиков, киргизов и урус-монголов, как в Орде называли выходцев с бывших российских территорий от Алтая до Байкала.

Чего здесь только не было!

Оружие: луки, сабли, мечи, копыя, топоры, булавы, самострелы, самопалы и даже несколько изготовленных до Бойни, но основательно уже «убитых» стволов, по поводу которых А-Ка вынес неутешительный вердикт: «Такое барахло, разорвется в руках прежде, чем его пристреляешь». Боеприпасы, большей частью, сохранившиеся лучше, чем старое оружие. Доспехи для людей и быконей. Шкуры и ткани, одежда и пища, вино и кумыс, золото и драгоценности, топливо, ходовые запчасти к автоповозкам, седла, упряжь, скот, рабы... Да, и рабы тоже. Виктор поморщился. Он многое мог понять и принять в торговле, но выше его понимания было

то, как можно продавать и покупать людей. Для Сибирского княжества рабство являлось дикостью, но в Орде оно было в порядке вещей.

* * *

Многочисленность и толчея на ордынском торжище смущали и настораживали. В такой толпе чуть зазеваешься – и запросто можно лишиться добра.

– А-Ка, Костоправ, – окликнул Виктор спутников. – Приглядывайте там за товаром.

– Да приглядываем-приглядываем, – пробасил Стрелец, грозно зыря по сторонам.

– Воров здесь можешь не опасаться, Золотой Викатар – заверил Батцэцэг. – Уличенным в воровстве, грабеже или обмане Великий Хан приказал ломать хребты и бросать в степи. Великому Хану нужны порядок и честная торговля.

Хребет ломать – это, конечно, круто.

– И что, действует такая мера? – полюбопытствовал Виктор.

– С тех пор, как в караван-сарай поймали и прилюдно казнили одного охотника до чужого добра, я о ворах больше не слышал, – пожал плечами толмач.

Внимание Виктора привлек невысокий и щуплый желтолицый торговец с узкими глазками и суетливыми движениями, выставивший на раскладном прилавке три вскрытых и

уже наполовину опустошенных цинка с патронами разного калибра. Купец махал широкими рукавами просторного цветастого халата и что-то непрестанно тараторил. Видимо, расхваливал товар и зазывал покупателей. Покупатели подходили.

Виктор решил, что и им тоже не помешало бы пополнить запас патронов. Того, что он выменяли у Батцэцэга под Приуральском, все-таки маловато для дальнего похода. А желтолицый купец торговал довольно бойко. Боеприпасы у него уходили не поштучно даже, а целыми горстями. Судя по всему, цену ордынец сильно не задирает и товар предлагал качественный.

Виктор подошел. Поворошил рукой в цинке, внимательно рассматривая остроконечные цилиндрики. Вроде, гильзы не ржавые и не порченые. Брать можно.

– Чего и сколько хочешь за рожок патронов? – спросил он, стараясь сохранять безразличный вид. Уточнил: – Автоматные, семь шестьдесят два...

И спохватился. Басурманин ведь не понимает по-русски! Не в Сибирске же торг идет. И даже не в Приуральске.

Виктор обернулся, собираясь позвать на помощь толмача, но иноземный торговец неожиданно удивил.

– А что у тебя есть для моя? – хитро улыбаясь, спросил купец.

Надо же! Желтолицый говорил по-русски! Правда, с забавным акцентом и безбожно коверкая слова, но вполне сносно. Что ж, тем лучше.

– Есть сибирская пушнина, – ответил Виктор. И пояснил на всякий случай: – Соболяки. Мех. Шкурки. Есть топливо. Хорошее. Чистое. Тоже из сибирских скважин.

– О, сибирь-человек! – заметно оживился купец. Замахал руками еще сильнее, от чего рукава халата захлопали по воздуху, словно крылья, заулыбался шире. – Сибирь-человек – хорошо! Очень-очень хорошо!

Виктор пожал плечами. Пусть будет сибирь-человек, он не против.

– Как твоя звать? – не унимался торговец. – Твоя имя, сибирь-человек?

– Виктор, – представился Виктор.

– Вихта? – переспросил китаец.

– Ну, вроде того. Я купец Сибирской гильдии.

– О! Сибирь-человек-купец еще лучше, чем просто сибирь-человек! – резюмировал иноземец.

Его улыбка уже не помещалась на широком плоском лице.

– А ты-то сам откуда? – спросил Виктор.

– Моя – хань-человек. Так моя и моя народ сама себя звать. Хань-народ, хань-человек. Твоя понимать, Вихта?

«Странное самоозвучивание. Похоже на хана-человек», – подумал Виктор, недоуменно глядя на многословного собеседника и усиленно вспоминая, что это за народ такой чудной. Который – хана.

– Еще моя и моя народ называться чайна-человек... – продолжал тот.

«Чайный человек?» – удивление Виктора росло.

– Или китай-человек.

– А-а-а! Китаец?! – догадался, наконец, Виктор.

– Китай, Китай, Китай... – радостно и часто закивал «хань-чайна». После чего добавил: – Моя китай-человек-купец. Как твоя сибирь-человек-купец.

– Ну, это ясно, – хмыкнул Виктор. – Коллеги, в общем. А имя у тебя есть, хань-чайна-китай-человек-купец?

Китаец стукнул себя в тощую грудь:

– Моя Ся-цзы, – объявил он.

Вот и познакомились.

– Откуда наш язык знаешь? – спросил Виктор. Этот смешной, улыбочивый и общительный китаец понравился ему сразу. Да и знание языка подкупало.

– Моя за твоя Байкала и за твоя Тунгуска ходить, – опять затараторил «китай-человек» Ся-цзы, на этот раз гордо выпятив свою цыплячью грудь. – Потому моя твоя язык знать, Вихта. Моя хорошо торговать с сибирь-человек. А хорошо торговать – значит, хорошо говорить.

Понятненько. Китаец, оказывается, вел торговлю где-то

на юго-восточных и восточных границах Сибирского княжества. Там, видать, и научился лопотать по-русски.

– Слушай, Ся-цзы, а что у вас сейчас в Китае творится? – Виктор не удержался еще от одного вопроса, не имевшего никакого отношения к предстоящей сделке.

О мире, раскинувшемся за пределами сибирских лесов, приходили скудные, обрывочные и зачастую противоречивые сведения. Виктора же всегда интересовало, что происходит вне родного княжества.

Ся-цзы зацокал языком и скорбно покачал головой.

– Запад-Китай – Большая-большая Котел, – печально заговорил он. – Большая и Страшная. Как твоя Котел за Урал-гора. Даже больше и страшнее, чем твоя, Вихта. Много-много мутанта-зверь, мутанта-птица, мутанта-рыба. Много мутанта-дикарь-человек. Мутанта-тварь часто приходит из Запад-Китай. Восток-Китай – жить можно. Правда, плохой жизнь, но можно. А за Восток-Китай еще один Большая Индус-Котел. Тоже много всякий мутанта.

Индус-Котел? Вероятно, китаец имел в виду Индию. Ся-цзы вздохнул:

– Мутанта везде много, а китай-человек совсем мало. Между два Большая Котел страшно. С хан Удуг не так страшно. Поэтому моя уходить из Восток-Китай и ходить с хан Удуг.

Виктор сочувственно кивнул. И в чужих землях, оказывается, жизнь не сахар. Видать, по Китаю и Индии, как и по

России, в свое время тоже неслабо долбанули. И, наверняка, ведь не только там бурлят сейчас Котлы. «Терра мутантика», должно быть, расплзается по всей планете, как болезненные опухоли. Или уже как трупные пятна?

Виктор тряхнул головой, отгоняя тоскливые мысли. Ладно, поболтали – и хватит. О грустном – уж точно. Делом пора заняться...

– Так что хочешь за патроны, китай-человек? – вернулся он к началу разговора.

* * *

Китайца словно подменили. Он вновь стал прежним: улыбчивым, любезным и плутоватым торговцем. Ся-цзы больше не сокрушался о судьбе Китая и несчастных китайцев. Все его мысли теперь были направлены на другое.

– Моя патрона – хороший патрона, Вихта, – чувствуя интерес покупателя к своему товару, затараторил иноземец. – Очень-очень хороший. Далеко пуля кидать. Сильно-больно бить.

Собственно, «хороший патрона» был обычным автоматным боеприпасом. Но купец, конечно, не был бы купцом, если бы не приукрашивал и не расхваливал свой товар.

– Китайский патрона! – не умолкал Ся-цзы. – Самый-самый лучший-лучший качество. Все-все про это знать, любой так для твоя сказать.

– А где ж ты взял-то эти патроны? – как бы между прочим поинтересовался Виктор.

– Старая секретная склада, – уклончиво ответил собеседник. – Дорого стоит для моя. Но для твоя буду дешево отдавать, сибирь-человек...

Торговаться пришлось долго, яростно и зло, забыв о симпатии, возникшей к забавному китайцу. Все-таки свой интерес тоже нужно блюсти. В итоге сговорились на трех соболяковых шкурках за тридцать патронов.

Виктор остался доволен сделкой. Еще бы! В Приуральске и уж тем более в Сибирске-на-Оби о такой цене можно было только мечтать. Мелькнула даже мыслишка: а может, ну его, этот поход к южным морям. Не проще ли сбыть весь товар в ордынском караван-сарае и вернуться домой с неплохим барышом?

Впрочем, Виктор сразу же отказался от этой мысли. И дело тут не только в наживе. Уж очень манили его далекие неведомые земли. Да и Ся-цзы как-то не выглядел опечаленным сделкой. Скорее, наоборот. Видать, тоже неслабо наварился на редком в ордынских степях сибирском товаре. А ведь пронирливый китаец знает местный рынок и местные цены. Может быть, даже имеет представление о том, что и сколько стоит в портах южных морей.

Словно в подтверждение этих мыслей Ся-цзы заговорил снова – вкрадчиво так, с приторной улыбкой на лице.

– Вихта, моя вот что думать для твоя. Зачем твоя ходить в

далекий дорога? Лучше продать для моя вся твоя товар! Моя платить хороший цена. Твоя сразу возвращаться домой, а моя – идти дальше вместо твоя. Давай делать так, сибирь-человек? Твоя сразу становится умный-умный-человек.

Все это китаец выпалил быстро, не переставая улыбаться во весь рот. И не понять – то ли в шутку он предлагает, то ли всерьез. Наверное, и всерьез тоже. Виктор хорошо понимал замысел «китай-человека»: скупить ценный товар, не заезжая в Сибирское княжество, а потом перепродать его на южных базарах. Наверное, так можно неплохо заработать. Только какой смысл отдавать барыш другому? Становиться умный-умный-человек Виктор не захотел.

– Нет, дорогой, – он тоже улыбнулся китайцу, – вместе пойдем. Вместе торговать будем.

– Как твоя хотеть, сибирь-человек, – вздохнул Ся-цзы. – Моя для твоя хороший мысля предлагать. Твоя отказаться. Моя – слово, твоя – дела.

Кажется, он все-таки расстроился.

– Да ладно тебе, – Виктор похлопал купца по острому плечу. – Не дуйся. Южных морей на всех хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.